

**ЧТО
СКРЫВАЕТ
СНЕГ**

Юлия Михалева

Юлия Михалева
Что скрывает снег

«Автор»

2016

Михалева Ю.

Что скрывает снег / Ю. Михалева — «Автор», 2016

1907 год. Восточная граница Российской империи. Нечто странное пришло в прежде тихий провинциальный город об руку с затяжной метелью. Внезапно стали исчезать люди. Они пропадали неожиданно и бесследно. Даже те, кто был надежно защищен, не могли избежать этой участи. Вместе с падающими с неба хлопьями снега улицы засыпал страх. Больше никто не чувствовал себя в безопасности. Ведь город, где все знали друг друга в лицо, а наступающий день не отличался от ушедшего, на самом деле лишь притворялся. Он надежно спрятал свои секреты... Но снег тает. Все, что он скрыл, окажется на поверхности.

© Михалева Ю., 2016

© Автор, 2016

Юлия Михалева

Что скрывает снег

*Восточная граница Российской империи,
1907 год*

I

Запертые засовы

Короткий зимний день близился к завершению. Однако солнечный свет, приглушенный завесой трехдневной метели, еще не погас. Стрелки башенных часов, украшавших свежее, светлое здание Общественного собрания, готовились указать 3 пополудни.

По традиции часы отставали – уже на 40 минут. Впрочем, жителей их показания не слишком заботили. Они привыкли полагаться на более надежный и неизменно исправный механизм – солнечный свет.

И сейчас он говорил о том, что темное время уже на пороге.

Тут и там почти одновременно шелкнули замки и задвижки. Одинаково спешно и привычно закрывались на ночь двери хлипких, вросших в обледеневшую землю мазанок и времянков, изб и рабочих барачков, деревянных одноэтажных домишек и резных теремов, прочных каменных доходных зданий и все еще редких на городских улицах особняков из красного кирпича.

Скрипнули надежные засовы и в белоснежном дворце – резиденции генерал-губернатора Софийского, изящном, современном здании. Оно словно переместилось сюда с улиц сияющего Петербурга, и оттого выглядело неуместным и потерянным. Как балерина, неожиданно упавшая в своей белоснежной пачке со сцены Мариинского театра – прямо в грязь.

Предстояла долгая и беспросветная зимняя ночь. Электрические фонари, детище инженера Романова – очередное новшество, на которые выдались так богаты последние несколько лет – как обычно, легко сдались перед натиском непогоды. Привычные же масляные не имели шансов устоять под порывами ветра – даже в том случае, если бы долг смог выгнать фонарщиков на улицу в такое ненастье. Да и не под силу им было рассеять ночную тьму.

Всего за несколько минут улицы, и без того немногочисленные, полностью опустели. Свет окончательно погас, как будто кто-то сверху вдруг прервал щипцами дыхание керосиновой лампы.

Снег снова усилился. Он стремительно заносил окровавленное тело, лежащее за околицей, у последнего на тракте верстового столба.

Город, окутанный ночью, прочно закрылся – на два, на три, кое-где даже на четыре запора – но не спешил отходить ко сну.

В гостиной генерал-губернатора отогревалась, приходя в себя, довольно разномастная компания.

Инженер Романов, благодаря чьим стараниям белокаменный дворец даже в пургу освещало пламя электрических ламп, растирал маленькие, почти женские руки, куском мягкой ткани. Не скрывая эмоций, он жаловался на свое новое техническое дитя – водопровод, не выдержавший испытаний первой зимы.

– Не действует! Вновь не действует! Полагаю, те же трубы, что и давеча, полопались.

– Прискорбно, Анатолий Васильевич. Теперь уж до весны... Ведь как до них достать, в такой мороз? И у нас вот стройка встала, – развел руками собеседник – чиновник, занятый на строительстве железной дороги. – С тех пор, как Вагнера изволили вызвать в Петербург, мы тут и версты не прошли.

– Да, да, ваша правда... Но позвольте. Мы ведь можем отогреть только этот, один лишь этот участок земли!

Адъютант генерал-губернатора Малинин и три брата-купца первой гильдии Перовы горячо обсуждали недавний инцидент в тюремном замке.

– К сожалению, вас не обманули, господа. Они снова сбежали: как раз во время визита его превосходительства. На сей раз их семеро, и, увы, они, вероятнее всего, теперь уж хорошо вооружены.

– Не может быть! И без того среди нас были одни каторжники.

– Нет, хуже, брат: это мы живем среди них! Нынче же велю Луке поставить еще засовов.

– Но как же такое могло случиться?

– Они все спланировали заранее. Та непристойная женщина, про которую все говорят, своим возмутительным поступком просто отвлекла внимание его превосходительства и господина смотрителя.

– Да как же так, батюшка... То, о чем говорят, в самом деле... Имело место? Неужто не пустая молва?

Адъютант, довольный находением в центре внимания, на миг замешкался, видимо, опасаясь поведать лишнего, но все же продолжил.

– Увы, но это так. Все – истинная правда. Арестантка действительно сделала те отвратительные вещи, не достойные звания человека.

Так как братья явно ожидали продолжения, Малинин добавил:

– Ее выпороли и посадили в карцер.

Старший купец, сокрушаясь, покачал головой:

– Ээ, батюшка, мало. Повесить! Всех повесить! Поймать и повесить!

Среднему очень хотелось уйти. Ему совсем не нравилось, что семья осталась одна в доме на окраине, когда поблизости рыскали то дикие звери, то мало от них отличимые кровожадные убийцы.

Младший Перов предвкушал, как расскажет все в подробностях братьям по гильдии.

В стороне от обеих групп расположился отец Георгий, настоятель нового каменного храма. Отодвинув кокетливую занавеску-тюль, он невидящим взглядом смотрел в темноту за окном. Сложно сказать, прислушивался ли он к разговорам, или же задумался о чем-то своем.

Послышался громкий стук дверной щеколды, и вскоре за ним – лязгающие жалобы открываемой дубовой двери. Звуки сопровождались высоким, хрипловатым голосом Софийского – тот обратился к сбежавшейся челяди да солдатне:

– Как там хозяйка?

– Так же, ваше превосходство: мается животной...

– И что, доктор был?

– Никак нет. Не нашли.

– Плохо искали! Ну я вас, дармоедов... Петро, прямо сейчас, немедленно иди за доктором. Без него чтобы не возвращался. Стой! Василий уже здесь?

– Никак не...

– Пошел!!

Через несколько секунд генерал-лейтенант Софийский – невысокий, но плотный, крепкий, с глубоким шрамом на щеке, серебристо-рыжими волосами и густыми длинными усами, прихрамывая на некогда раненую ногу, степенно прошел в арку гостиной. На его лице не усмат-

ривалось ни тени минувшего гнева. Радужно улыбаясь, он поздоровался с гостями и занял свое «царское» кресло у кофейного стола.

– Ну что, судари, не изволите ли в вист?

Гида, челядинец генерал-губернатора – юный нанаец с длинной, до пят, косой – вздохнул с облегчением и вышел из-за массивной колонны. Минуты, в которые Софийский выпытывал о супруге и сыне, тянулись вечно. Гида начало думаться, что это конец: настолько он замерз в тех портках и рубахе, что Софийский заставлял носить, когда не собирался показывать наная гостям. Иначе следовало облачаться в свою одежду – пестреющий орнаментами халат. Тепло мех, как у белых, Гида и вовсе не полагалось. Его не пускали за ворота – если ловили, то били. При всех. Больно и стыдно.

Гида был хорошим охотником. Он любил хвастаться, что за триста шагов слышит дыхание птиц. А уж характерный пронзительный голос генерал-губернатора и подавно.

Он до сих пор не понимал неведомую русскую речь, но по интонациям мог определить безошибочно: едва зайдя в дверь, рыжеватый хромой старик заговорил со «своими». Теми большими белыми людьми в форме, которых всегда так много. Таким тоном шаманка давала неприятные поручения самым младшим охотникам.

Потом дверь открылась, тощий солдат в шкуре вышел и отправился в ночь быстрым шагом. Сердитый. Очень плохой.

Именно он тогда приехал в дом Гида вместе с самым злым человеком на свете. Толстый купец в перстнях всех обманул – и отца, и деда. Даже шаманку. А потом и Гида заманил в ловушку. И привез в этот дом. Гида понял – в качестве подарка. Так он и стал вещью.

А дальше рыжий старик завел речь совсем по-другому – как охотник с девушкой, которую хочет взять в жены. Значит, теперь он беседовал с «чужими» – теми разными людьми, что постоянно наводняли его дом.

Но точно ли опасность миновала? Гида еще больше напряг слух. Да: с ними нет женщины. Той, длинной, с тонкими бровями и носом, что по вечерам обычно фальшиво смеялась с гостями, а днем показывала Гида письма – тыкала пальцами и издавала звуки. Но он – охотник – ничего не смыслил в таких вещах. Орнаменты – дело женщин. Лучше бы ей спросить у шаманки – она все знает. Гида пытался объяснять, но длинная била его по губам предметом, который все время теребила в руках, делая движения вокруг лица. Сначала он думал, что это оберег, но вскоре догадался, что нет, это для наказания.

Видимо, она ждала других ответов.

Гида высоко подпрыгнул, уцепился за рельефное обрамление миниатюрного балкона. Подтянувшись на руках, он ловко проник в оставленное приоткрытым слуховое оконце.

Интересно, что бы они сделали, если бы узнали, что теперь он мог в любой момент навсегда сбежать из этого дома?

Хмельные крики и похотливый хохот уже которую ночь не давали Чувашевскому не то, что заснуть, но даже собраться с мыслями. Он уже обложил окно своей комнаты, арендованной в доходном доме, целой грудой пуховых подушек – но звуки пьяного разврата по-прежнему преследовали его.

Вот и нынче, едва переступив порог, учитель понял, что надеждам на тихий вечер снова не дано воплотиться.

Со злости Чувашевский так стукнул об стол керосиновой лампой, которую принес с первого этажа, что она едва не погасла. Бросил в угол связку промокших тетрадей, снял мокрые валенки и тоже метнул вдогонку.

Изо рта шел пар, вода в рукомойнике перемерзла. Еще бы, ведь днем комнаты вновь не топили. Хотя Чувашевский настоятельно просил о том и свою плату – баснословную! – вносил исправно.

– Вот же гадство!

Подумать только – невероятные 180 рублей в год при собственном жаловании в невеликие 800. Да на такие деньги в Петербурге можно поселиться чуть ли не во дворце! Но нет: он вынужден ютиться здесь, в тесноте, темноте и затхлости, соседствуя с клопами да блохами – и, что хуже всего, с непотребным домом терпимости. При этом нынешняя комната – еще и не худший из вариантов.

В желудке сосало: Чувашевский не обедал. Выходить больше не хотелось, а из припасов остались лишь пол краюхи безвкусного местного хлеба да вяленая корюшка – подношение одного из учеников.

Перекрестившись, учитель приступил к трапезе, попутно раскладывая на рассохшемся столе писчие принадлежности. Листы дешевой бумаги (не от скупости – другую здесь не сыскать), толстопузую чернильницу, перо – старое, с зазубринами, давно пора сменить – и промокашку. Надо написать письмо брату, от которого утром пришла тревожащая телеграмма.

«Дня сего получил я от тебя весть – долгожданную, и оттого во много раз более печалившую меня и легищую на сердце тяжким грузом. С великой тревогой я прочитал о том, что ты не расстался с желанием связать свою судьбу с барышней, прежняя жизнь которой сокрыта от тебя глухой завесой тайны. Читая эти строки ты, вероятно, считаешь, что мной овладела жажда морализаторства. Отнюдь: я руководствуюсь одними лишь соображениями рассудка и опытом своим. Нет, брат, прости, но я не смогу выполнить твою просьбу и мысленно поздравить тебя...»

Как бы не дойти до оскорблений. Он обидчивый, в сердцах и вовсе читать не станет. Лучше отложить письмо и отвлечься: приняться за обещанную заметку в газету – своего рода рапорт о достижениях реалистов, принятых на казенный счет.

«Древо познается по плодам его, а плоды реального училища...»

– Да ну отстань же! – неожиданно и необычайно громко возопила одна из гулящих женщин.

Чувашевского преследовало чувство, будто он сам живет в доме напротив. И это – зимой, несмотря на завывающий ветер и все подушки. Что же будет летом, если он вздумает открыть окно?

Учитель взял третий лист бумаги.

«В полицейскую управу. Жалоба. Спешу довести до вашего сведения, что жильцы доходного дома Верещагиной, расположенного в квартале 4, не столь отдаленно от резиденции, в коей квартирует его превосходительство, генерал-губернатор С.Ф. Софийский, вынуждены испытывать ежечасные муки. Их причиной служит непотребное гнусное соседство с домом терпимости, который держит китаец Фань. Будьте любезны во имя закона и благочестия прекратить сие непотребство ради спокойствия всех жителей квартала» ...

Да-да! Как же он раньше не додумался? Надо бы теперь еще и соседей обойти – чтобы все подписали.

– ААА!! Людиии!!

Чувашевский дернулся. Жирная клякса сорвалась с пера. Крупной, расплющенной под колесами телеги лягушкой она упала на обложку лежавшей на столе книги. «Нищета философии» Маркса, только что благородно-бежевая, стала оскверненной. Совсем как обладательница того голоса, что стал причиной падения.

Чувашевский ощутил головную боль.

– Прости, книга! – сказал он вслух.

Ее, пришедшую четыре месяца назад в посылке, он так до сих пор и не прочитал. Пытался каждый вечер, но не двинулся дальше нескольких страниц. Сочетания знакомых букв и слов приобретали совершенно неведомый смысл, и, как не вчитывался Чувашевский, его не удавалось постичь.

– Я совсем, совсем отупел, – с грустью сообщил учитель «Нищете философии».

По тонкостенному деревянному дому гулял ветер. От его порывов свеча горела нервно, то и дело грозя погаснуть. Снег, набившийся под порог сквозь щели, теперь таял. По грубому щербатому полу потекли ручьи.

За столом, смоля сигарку с махоркой, нянька Павлина раскладывала засаленные карты, то что-то бубня под нос, то ворча.

– Нехорошее дело, ить, нехорошее!

У стола стоял огромный сундук, в нем – все сокровища Павлины, пропахшие ее ароматами – печного дыма и махорки, грязного тела и вечного чеснока. Нянька считала его лучшим оберегом от всех напастей, и потому щедро раскладывала повсюду. Она даже бусы своей питомице, шестилетней Варе, из него сделала, однако хозяйка отняла.

Оставшись с нянькой наедине, как сейчас, Варя первым делом просилась в ее сундук. Там она чувствовала себя спокойно и безопасно. И сейчас, свернувшись калачиком, девочка согрелась и задремала в груди одеял и кофт, под убаюкивающие знакомые запахи и умиротворяющее ворчание.

В силу своего возраста Варя не имела предрассудков. И потому они не могли помешать ей любить грубую Павлину, которую, как и многих других местных нянек, кухарок и горничных, забрали в дом, сняв со ссыльного маршрута. Произошло это еще до рождения Вари, и с тех пор Павлина сменила уже две семьи.

Да, она – каторжанка, но не воровка, не мошенница. Честная убийца – заколола мужа, который, по ее словам, бил смертным боем. Впрочем, были и другие мнения, гласившие, что бедняга застал жену с братом. Он только готовился устроить Павлине выволочку, как она успокоила его навсегда.

В последнее время Варя спала в сундуке очень часто.

Ее отец – военный инженер, капитан Вагнер – уехал еще осенью, в самую распутицу. Сам государь император Николай II по какой-то неведомой для всех причине пожелал увидеть именно его отчет о строительстве участка железной дороги, которым Вагнер распоряжался.

Теперь до весны он точно не вернется.

Мать же, Наталью, гостившую у подруги, очевидно, застигло врасплох наступление ночи. Вероятно, она не рискнула проделать обратный путь через весь темный город.

Так сказала Павлина, и отчего бы Варе ей не поверить?

Миллер, городской архитектор, с мороза прошел к большому камину. Еще час назад он чувствовал себя совсем подавленным, но нынче духовное отступило перед телесным. Сейчас ему хотелось просто отогреть руки, нывшие от холодной боли.

Увы, тепло снова открыло рану. Ее точно следовало показать доктору.

Не прошло и десяти минут, как за его спиной тихо скрипнула дверь. По лестнице прошелестели крадущиеся кошачьи шаги. Значит, в такую непогоду и тьму Шурочка все же выходила, проигнорировав отцовские просьбы.

Но Миллер не собирался ничего прояснять. Он решил снова не подавать виду, что слышал, как дочь вернулась. Вместо того снял тяжелую теплую одежду, стараясь сильно не задевать руку, и устроился в кресле с ножом и деревянной заготовкой.

Миллер начал вырезать новый миниатюрный корабль. В будущем он отправится в плавание по полке над письменным столом, присоединится к маленькой изящной флотилии, которой так восторгались гости. К тому же, это занятие так успокаивало...

Раненая рука была хоть и правой, но не рабочей – Миллер так и не смог стать полноценным правой. Но даже случайные движения ею отдавали болью. Расслабиться не получалось.

В голове шумно копошились мысли.

Во всем, что происходило, виноват только он сам, и больше никто.

Лишь из-за своего эгоизма архитектор после смерти жены отказался отослать Шурочку к тетке в Москву. Там бы она получила приличное образование, все время находясь под строгим присмотром. Он же, напротив, ее не контролировал и ни в чем не отказывал. Избаловал. Тоже из эгоизма: Миллеру слишком нравилось, как дочь смеется. Его светловолосая юная копия в женском облике.

Потом он не стал выдавать ее замуж, когда предлагали. Дважды отказал! Тоже из эгоизма. И дело не только в том, что партии виделись неподходящими. Младший купец Перов – повеса и пустозвон, да Осецкий, желчный, безденежный помощник полицмейстера – тот, что залез в петлю двумя месяцами назад.

Нет, Миллер просто не хотел отпускать Шурочку от себя. Боялся ее потерять. Знал бы заранее, к чему это приведет...

Александрю тоже терзали раздумья, мешая найти занятие. Она то брала в руки журнал, то отбрасывала, вставала и ходила по комнате. Ее глаза блестели, щеки горели.

Сначала она собралась было выйти поприветствовать отца. Но вести наигранные, никому из них не интересные обыденные беседы – а именно такую тактику он избрал в последние недели – совсем не хотелось. Еще хуже, если он сделает рокировку и опять станет задавать вопросы. Снова ложь, уловки, увертки.

Вот бы честно и подробно рассказать ему обо всем, как в детстве! И получить в ответ поглаживание по голове и уютные слова утешения. Но нет, об этом нечего и думать – теперь между ними пропасть.

Александра сама виновата: это она сделала такой выбор. Выбор не в пользу отца.

Желая отвлечься, она достала из гардероба недавнюю обновку, прибывшую, хоть и с огромным опозданием, из самого Парижа. Нежно-желтые платье, пальто, туфли, вышитые бисером и шляпка – с настоящим птичьим пером. Конечно, это уже не писк моды: отставание как минимум в сезон.

Александра переделалась и подошла к настенному зеркалу. Вот бы выйти так на улицу прямо завтра. Ей во что бы то ни стало хотелось попозировать для дагерротипа, фотографического портрета – настоящего чуда, способного навеки останавливать время.

С другой стороны, отец наверняка снова исчезнет с утра, не сказав ни слова. Вот и чудесно.

Пока инженер Романов приближал технический прогресс, увлеченно составляя новый чертеж прямо в гостях у генерал-губернатора, дома его ждала девятнадцатилетняя супруга Елизавета.

Во всяком случае, так бы она ответила, если бы у нее спросили. Только спрашивать было некому: плотно затворив двери на ночь, Елизавета не ожидала гостей.

Болезненная, но исключительно красивая, тонкая, белокожая, смотрящая на мир драматическими черными глазами с чересчур длинными ресницами, она, как резиденция генерал-губернатора, казалась в городе совсем неуместной.

За два года, проведенных здесь после переезда на новое место службы Романова, Елизавета так и не обзавелась ни одной подругой. У посторонних, тем более, не имелось причин ее беспокоить.

Даже прислуга ее покинула. Кухарка еще накануне ушла в Лесное проведать семью. А гувернантка – весьма бестолковое и мало на что способное создание, но зато – настоящая француженка – взяла выходной и покинула дом. Очевидно, отправилась к любовнику.

Елизавету чужая нравственность не слишком тревожила, однако сама она склонностью к адюльтерам не отличалась. Поговаривали, что ей просто не встретился никто подходящий. Возможно, и так. Мужа Елизавета никогда не любила.

После рождения сына она ни дня не чувствовала себя здоровой. Вдобавок ко всему, около полутора лет назад у нее начались мигрени. Их провоцировали постоянные крики ребенка – пронзительные, не стихающие дольше, чем на полчаса, на протяжении бесконечных мучительных месяцев. Но, к счастью, эта проблема успешно решилась. Выйдя из запоя, доктор Черноконь выписал Елизавете лауданум. С тех пор боль хотя бы на время можно стало прервать.

Этим одиноким вечером, приняв лекарство, Елизавета перечитывала письмо подруги по гимназии.

«Милый дружок Лизонька! Ты спрашиваешь, как я, и я долго думала над ответом на столь невинный простой вопрос. Мне сложно ответить тебе честно, как в прежние времена. Не подумай, что я отдаляюсь: это только из боязни задеть твои чувства. Ведь там, где ты сейчас, ты лишена даже простых радостей. А я ... я время провожу весело. Много танцую» ...

Ребенок, шумный и непоседливый, настойчиво закричал, громяхая игрушкой. Елизавета дала ему сушку, сперва обмакнув в лауданум. Потом сама тоже глотнула еще настойки и вернулась в кресло у камина. Пригревшись в теплых объятиях пледа, Елизавета крепко уснула.

Ее сын тем временем выбрался из кровати.

«Надлежит отвращать от пьянства, блюсти сохранение благочиния нравов, воздерживать самовольство людей, худую жизнь ведущих, запрещать носить оружие тем, кто к тому не имеет права, и игры азартные пресекать».

Кажется, так говорилось в должностных уложениях.

Нет, не кажется: точно так. Дословно.

А еще там значилось, что полицейский, в чьем околотке действует опиумная курительня, будет неотвратимо лишен своей должности.

Очередной обман.

Они сидели в опиумной курильне, и уже который час играли в «двадцать одно», чередуя маковые «трубки мира» с ханшином – дешевой китайской водкой.

Это даже забавно. Весьма.

Новый помощник городского полицмейстера Деникин усмехнулся нелепым мыслям. Доктор Черноконь – единственный на весь город «настоящий» врач, лечивший всех и от всего – воспринял улыбку, как поощрение. Он продолжил рассказ с еще большим усердием.

– А лапищи у него вооооот такие! Когтищи – жуть! Одну ногу-то он ему сразу оторвал, вчистую, как грится! А со второй, которой он в капкан угодил, в медвежий-то, пришлось повозиться. То есть это уже мне, не ему. Ему-то повезло, то есть этому горе-охотнику, что солдаты

мимо шли и снесли башку тому зверю, медведю, то есть. Вот этим вот самым ружьишком – они же мне его и отдали, чтобы заплатить, значит.

Черноконь, запой которого продолжался уже вторую неделю – богатырь! – заманил в курильню своего коллегу по ремеслу, полицейского фельдшера, а тот, в свою очередь, прихватил с собой Деникина и двух околоточных надзирателей.

Деникин маялся от безделья и охотно согласился на предложение, но сейчас внезапно затосковал.

В городе его не уважали. Но, конечно, вовсе не из-за посещения зланных мест – а куда еще тут ходить? Нет, о нем уже два месяца кряду болтали гораздо худшее: что он совершенно никчем, и, вдобавок, слишком молод для своей должности.

Придумывали гнусные вещи.

Однако пусть Деникину и нечем было гордиться – но и стыдиться поводов не имелось.

На самом деле все вышло совсем незатейливо. Прежний помощник полицмейстера, Осецкий, просто взял и повесился. Зимой, когда никто новый бы сюда не приехал. Должности же пустовать не полагалось. Вот и получилось так, что из тех, кто водился под рукой, Деникин оказался единственной заменой, хотя бы с натяжкой подходящей на должность. Не назначать же околоточных надзирателей, которые едва умеют писать?

Конечно, имелся еще Ершов. Писать он очень даже умел. Но, к счастью, не слишком придирчивый полицмейстер на этот раз намертво вцепился в образовательный ценз. Ершов не подходил.

Однако своему назначению Деникин не особо радовался, и вовсе не из-за слухов. Он провел в городе уже четыре года, все больше убеждаясь, что никто не переведет его, не заберет отсюда.

И эта должность лишь служила подтверждением – как и истории тех, кто занимал ее раньше.

Прежний помощник полицмейстера, тот, что до Осецкого, умер от чахотки. Тот, что служил до него, застрелился после пяти лет в должности. А что произошло перед тем, Деникин даже не спрашивал.

Похоже, вырваться отсюда невозможно. И, как предыдущие сослуживцы, Деникин вернется домой – в родной Орел – только в закрытом ящике.

А если Осецкий, осуждающе похороненный за оградой кладбища, все же оказался прав, избрав такой способ бегства от вечной тоски захолустья? Может, и в самом деле проще сразу в петлю?

II

Пропавшие души

Единственное, чего мог пожелать этим утром Деникин – забиться в темный, холодный угол, и пролежать так, в полузабытьи, в абсолютной тишине, как минимум, сутки. Но веки резал острый свет, и чьи-то цепкие пальцы упорно тянули за лацкан.

– Господин Деникин! Дмитрий Николаевич! Да вставайте же вы!

От этого голоса вибрировали все поверхности, включая собственную голову. Еще чуть-чуть, и она взорвалась бы, как гнилая переспевшая тыква при падении. Фу. Преодолевая тошноту, Деникин нашел в себе силы перевернуться. Но и голос, и пальцы никуда не пропали.

– Дмитрий Николаевич! Деникин! Вставайте! А ну вставайте!

Деникин замычал. Голос затих. К сожалению, пауза продолжалась недолго. Несколько секунд – и на помощника полицмейстера обрушился ледяной водопад.

– А ну-ка живо вставай!

От неожиданности Деникин сел и открыл глаза.

Оказалось, что он спал в управе. Похоже, вчерашняя компания перенесла сюда его тело и уложила на лавку для посетителей, оставив у всех на виду. Какой позор. Лучше бы уж Деникин снова проснулся в мертвецкой. Там хотя бы немногочисленно.

Тошнота стала неудержимой.

– Свинья! – прозвучало над головой.

Надо надеяться, что показалось. Иначе придется вызвать его на дуэль. А там окажется, что он стреляет гораздо лучше.

Рука, покрытая длинными черными волосами – ни дать, ни взять обезьянья – сунула под нос склянку с нашатырем. Деникина вырвало снова. Лапа появилась опять – теперь из нее показалась темно-коричневая бутылка.

– Пейте! Это лекарство доктора, он вам оставил и велел дать.

Деникин послушно сделал два глотка.

– Что это? – едва передвигая пересохшим шершавым языком, спросил он.

Пузырек приблизился к самым глазам, но буквы расплзались. Рука все поняла.

– Лауданум. 46 грайнс опиум энд 50 процентов алкоголь. Это американское производство.

Тут написано: Балтимор, Уса.

– А... А еще десять?

– Какие десять? Десять чего? А, это вы так посчитали состав, вероятно. Хм... Но почему же мне знать? Однако предположу, что там просто обязана быть вода. Вам же пора вставать, Дмитрий Николаевич. Вас ждут.

Деникин уже давно узнал обладателя руки – молодого, маленького, чернявого околоточного надзирателя Ершова.

Из всех, кто мог бы обнаружить Деникина спящим в управе, Ершов был наихудшим вариантом. Принципиальный и прямолинейный – помощник полицмейстера считал его недалеким – он жил в своей собственной вымышленной реальности. Мало того, еще и считал своим долгом постоянно рассказывать о ней сослуживцам. Его нудные нотации стали пищей для множества баек и даже шаржей. Иногда их рисовал сам Деникин.

Ершов о том знал, но упорно стоял на своем. Ремесленничий сын. Впрочем, не совсем пропащий. Он только грозился доложить о беспорядках и беззакониях в департамент полиции, а когда совсем выходил из себя, то и дальше – самому Столыпину лично. Однако слова оставались словами: в произведенном кляузничестве он никогда не подозревался.

С Деникиным они разошлись, еще когда были коллегами. Тогда едва до оскорблений не доходило.

Получив повышение, Деникин подумал, что отныне и вовсе проблем с Ершовым не оберется. Но околоточный пока таился и неповиновения не выказывал.

– Кто ждет? Тут никого нет. Зачем ты меня вообще разбудил? – Деникин прилег обратно на мокрую лавку.

– Тут – нет. А там – Ершов указал рукой на запертую на засов дверь – есть. Вставайте, дело срочное.

– Еще слишком рано, – проворчал Деникин.

Волосатая рука с оголенными наручными часами, указывающими на четверть третьего, появилась снова.

– Из-за вас мы и так весь день в управу никого не пускаем. А теперь еще придется здесь прибраться.

Деникин попробовал приподняться. Оказалось, что ему стало гораздо лучше.

– Сильное средство, – довольно отметил он.

– Доктор сам его принимает. Да только лучше не следует. А уж, тем более, часто и помногу. Ученые пишут, что не лекарство это вовсе, а наркотикос. Сиречь яд, способный погу-

бить не только тело, но и душу, – привычным поучительно-ледяным тоном известил околоточный.

– Яд для души? Ты обчитался, Ершов. Не знаю, как там душа, а вот мое тело, похоже, больше умирать не намерено. Эх... Что случилось-то?

Деникин, наконец, встал во весь рост, недоумевая, зачем именно он кому-то мог срочно понадобиться.

С рутинной мелочевкой – мошенничествами, поджогами да грабежами – справлялись и околоточные, а с чем-то серьезным теперь, после кончины Осецкого, шли сразу к полицмейстеру. Точнее, к его настоящему помощнику Цзи Шаню – «дяде Мишай», маньчжур, до сих пор не крещеному в православие. Формально он числился переводчиком с китайского и маньчжурского, на деле же и раньше решал многие вопросы полицмейстера, выполнял и обязанности его личного секретаря. Деникин не знал, откуда он взялся, но говорили, что дядя Мишай служит полиции чуть ли не с момента открытия управы. А это, почитай, почти тридцать лет.

Так что, если Деникин сам не проявлял инициативы, то мог долго и спокойно оставаться незамеченным и незанятым.

И что же вдруг изменилось?

Ершов вздохнул и опустил глаза – не от смущения, таким образом он собирался с мыслями.

– Господин полицмейстер пропал.

– В смысле – уехал?

– В смысле – исчез. Уже два дня как.

– И что это значит? Вы его искали?

– Искали. Нигде в городе его точно нет.

– Так, может, он все же уехал?

– Точно нет. Цзи бы знал.

– Так это, значит, дядя Мишай паникует.

– Не совсем. У его превосходительства Сергея Федоровича срочное дело к господину полицмейстеру.

– Так... И что?

– Господина полицмейстера необходимо немедленно отыскать.

– Ну так ищите... Это ваша задача, околоточный...

– Не совсем так. Она ваша. Вам надобно либо заняться поисками господина полицмейстера и найти его, либо прямо сейчас официально поставить его превосходительство в известность об исчезновении со всеми вытекающими... Я же – простой околоточный, не уполномочен-с.

Голова Деникина по-прежнему кружилась.

– И как же я должен это сделать?

Темные глаза Ершова хоть и смотрели снизу на высокого Деникина, но делали это с насмешливым превосходством.

– А почему мне знать? Это же вы у нас – помощник полицмейстера. Вам виднее.

Это прозвучало в крайней степени ехидно и фамильярно. Ершов определенно вышел за все мыслимые рамки. Кроме того – Деникин больше не сомневался – околоточный на самом деле давеча посмел обругать его, своего начальника, свиньей...

Такое поведение было абсолютно недопустимым. Его требовалось немедленно пресечь. Дуэль... хотя какая там дуэль, если Деникин не попадал в бутылку с пяти шагов. Нет, куда лучше показательное наказание по канонам полицейского устава, который Ершов так свято чтит.

– Так... Это так, Ершов. Но я хочу знать – а что бы сделал ты?

Ершов продолжал раздражать Деникина своим неприятным взглядом.

– Для начала я бы предложил вновь обращаться ко мне на «вы», как и прежде. Ну а потом я бы первым делом взял Цзи и отправился в четвертый квартал, в веселый дом Фаня, на который как раз снова принесли жалобу.

Деникин расхохотался.

– Я спрашивал не о твоих планах на вечер...

– Во-первых, я вас, кажется, только что просил воздержаться от чрезмерного панибратства... А во-вторых, вам, как помощнику полицмейстера – стало быть, и его доверенному лицу – без сомнения, известно о небольшой привычке господина полицмейстера регулярно посещать сей дом.

Деникину не было об этом известно, но и ничего особенного он здесь не усмотрел.

– И что тут такого?

– Ну как сказать... Вы же, конечно, знаете, что навещает он не просто дом, а только одну женщину, и притом уже много лет. И эта беспутная, Дмитрий Николаевич, определенным образом может называться непосторонним человеком господину полицмейстеру.

Деникин начал понимать, к чему он клонит.

– А зачем тебе дядька Мишай?

– Мне – незачем. Кто я такой, чтобы возглавить поиски господина полицмейстера? И при этом не привлечь к ним особого внимания, да избегая огласки? А вот вам, то есть тебе, да, тебе, господин помощник, Цзи совершенно необходим! Вы, то есть ты, не можешь не знать...

Ершов оборвался на полуслове и прислушался. За дверью, из-за которой все время слышался равномерный рокот, похоже, грянул гром. Началась потасовка. И конечно же, Ершов не смог оставить ее без своего внимания. Выразительно посмотрев на испачканный пол управы, он пошел к двери. Деникин отправился следом.

Снег по-прежнему сыпал, не переставая, постепенно превращая город в ледяную равнину. Сугробы почти наполовину закрыли окна.

Ступив за порог, Деникин чудом не впечатался в спину толстяка Епифанова, облаченную не в форменный китель, а в богатую медвежью шубу. Своими мощными руками околоточный оттаскивал друг от друга двух сцепившихся женщин. Поодаль собралась небольшая толпа. Однако ее явно объединила не драка, а стойкое желание посетить управу.

– Охолонитесь! – рычал Епифанов.

Но, увидев Деникина, женщины сами стихли.

Та, что удерживалась правой рукой Епифанова, похоже, была каторжной прислугой. Неряшливо одетая, без шапки, с грязной короткой косой и тяжелым выжидающим взглядом.

От нее нестерпимо разило чесноком. Деникина снова накрыла тошнота.

– Вагнеры, – лаконично ответила она на взгляд Деникина.

Из толпы, вырвавшись из-под чьего-то присмотра, к каторжанке подбежала и прижалась к боку чистая полнощекая девочка. Женщина машинально придвинула ее к себе.

– Ты – нянька Вагнеров?

– Да, барын.

– И что с ними?

– Оба не вертались.

– Тю-тю, – радостно дополнила девочка.

Деникин слышал, что Вагнера – не слишком великую сошку – якобы вызвал на ковер сам государь император. Про то помнил даже он, не знакомый с инженером лично – а его бестолковая прислуга и в самом деле позабыла?

– Чего деретесь?

– Дак я первая, а эта лезет, – с достоинством пожала плечами нянька.

Кивнув, Деникин перешел к левой руке Епифанова, что, честно говоря, и собирался сделать, едва оказавшись за порогом. В ней была зажата плачущая крупными детскими слезами, лакомая французская гувернантка – единственная в городе настоящая француженка. Не слишком красивая, но притягательная, сладкая, душистая... И, поговаривали, очень уступчивая. Впрочем, сейчас она выглядела жалко – ничуть не лучше каторжанки, которая, похоже, все-таки успела расцарапать ей щеку. Растрепанные светлые волосы клоками свисали на лицо, голубое пальто выпачкано – в саже? Подол светлого платья грязен и оборван. Заплаканное лицо опухло, но маленькие нос и подбородок с ямочкой по-прежнему выглядели аппетитно.

Деникин вспомнил, что француженка приплыла сюда меньше года назад. Прошлой весной, на том же самом судне, которым две ее соотечественницы воспользовались, чтобы бежать. Одна из них прихватила с собой три пары сережек своей хозяйки, средней Перовой, и ее фамильное кольцо с изумрудом.

– Кабы знать наперед – да неужто бы я отдала б на нее такую прорву денег? – сокрушалась тогда купчиха, придя в управу. – И проку-то от нее никакого, ни бе, ни ме – ничему дельному ребят не обучила. И вещи вот покрала. Да лучше бы я, как все, сразу каторжницу взяла: и денежки бы вовсе сохранила, а результат в любом разе одинаков...

– Так, а у тебя что? – Деникин старался говорить намеренно грубо.

– Памагить! Прашу! – всхлипнула барышня. – О, мон бэбэ... Мой мальшчик, Андрэй...

Гувернантка в голос разрыдалась. Француженки чрезмерно эмоциональны.

– Что с ним? Она говорила? – спросил Деникин у Епифанова.

– Да. Лягнула, что, мол, исчез при пожаре.

– Так снова был пожар?

– Ну, на каланче не били. Но говорит вот – был. Да и вся она измазана, да гарью как несет – разве не чувствуете, ваше благородие?

– Пропаль... – всхлипнула гувернантка.

– Так чья ты прислужница-то будешь? Кажется, Романова?

– Романова, – ответил Епифанов.

Ершов, тем временем, отошел в сторону и спрашивал, не желает ли кто заявить об убийстве или налете. С момента недавнего побега из тюремного замка минуло больше недели – банда уже могла добраться до города.

– Помогите! ... тоже сгинул! – громко раздалось из толпы, но Деникин не разобрал имени.

– Кто-кто исчез? – переспросил Ершов, но и тут ответ укрылся от слуха помощника полицмейстера.

Глядя в невинные серые глаза гувернантки, он абсолютно не представлял, что дальше.

Однако Ершов не дал Деникину слишком долго мяться в бездействии. Он отозвал его в сторону и прошептал:

– Антонов и Щедрин хотят заняться ограблением лавки галантерейщика в шестом квартале. Разбиты окна в доме Перова-среднего, тоже шестой квартал. Это явно одни и те же... Иванов мечтает проверить искалеченного аптекаря на Правобережной. А Епифанов уже спешит в приемную лечебницы, где с утра дебоширят пьяные... Вы же хотели им об этом напомнить?

– Да-да. Это хорошо, что вы и мне напомнили, чтобы я им напомнил, Ершов. А то я бы запамятовал.

– Рад стараться, Дмитрий Николаевич! Память, она такая штука – всех подводит. Если им сказать, то больше ничего и не надо: они все знают и сами справятся. А вот ежели бы и вы, предположим, забыли, то они до заката так ничего бы и не сделали, и только в азартные игры все бы играли.

– Это весьма некрасиво с их стороны, Ершов.

– Вы правы, Дмитрий Николаевич. Более того, с их стороны это не только предосудительно, но и противозаконно! Да, и вот что, – повернувшись к прислуге, Ершов заговорил уже во весь голос: – А вы, барышни, сейчас пройдите в управу. Господин помощник желает сам лично вас опросить.

– Кто же исчез, Ершов? – спросил Деникин, садясь за свой стол и указывая каторжанке на лавку.

Он намеревался заняться горничной, однако Ершов опередил. Француженка продолжала безудержно рыдать – от всхлипов у нее началась икота. Околоточный и ее попотчевал спиртовой настойкой опия, так предусмотрительно оставленной заботливым Черноконем.

Обернувшись, он красноречиво посмотрел на Деникина, давая понять, что не желает обсуждать эту тему при посторонних. Однако помощник полицмейстера сделал вид, что не заметил, и повторил свой вопрос.

– Люди из храма сказали, что пропал отец Георгий.

– Когда?

– Ночью наемни. Он отправился к его превосходительству Сергею Федоровичу, а обратно так и не пришел. Когда он к утрени не вышел, люди из храма бросились искать его повсюду. Они сказали – это совсем не в характере отца Георгия – не являться ко службе.

Гувернантка снова громко заплакала.

– Ну, и что же было дальше, Ершов?

Каторжанка слушала внимательно, почти не дыша.

– Люди из храма пошли в резиденцию губернатора. Там подтвердили: да, был, но ушел рано, один. И с тех пор его никто не видел. Пропал без следа отец Георгий, как в воду канул.

Заглянувшая в дверь управы метельщица ухватила конец разговора, и тут же заголосила.

– Батюшка святой! Батюшка наш сгинул! Прости нас хосподи-ии...

Ершов раздраженно скривился.

– Прикажете продолжить, господин помощник?

– Продолжайте, – махнул рукой Деникин и обратился к каторжанке. – Ну что у тебя, говори?

– Барыны сгинули, барын.

– Я тебе не барин, а господин помощник. И никто никуда не сгинул. Я слышал, что твой хозяин Вагнер убыл в Петербург по высочайшему соизволению.

– Чего?

– Уехал он. Прямо к царю.

– Так вы про это. Молвят, что так...

– Няня, а где живет царь? – подала голос девочка, которая до этого сидела бесшумно, как кукла.

– Варя, не лезь, опосля.

– Слушай, раз ты все и так сама знаешь, так что, пришла сюда просто разговоры разговаривать? Про своего барина? Уехал он, и все тут. Только время мое занимаешь. Некогда мне. Иди-ка лучше давай, за ребенком смотри, – да, она говорила и про свою хозяйку, но Деникину совсем не хотелось продолжать этот разговор. Вдобавок, от няньки слишком уж пахло.

Ершов, который по протоколу опрашивал гувернантку, дотошно фиксируя ее ответы на бумаге, отвлекся.

– Простите меня, госпожа Мерсье, на один момент. Сударыня, позвольте – как вас зовут?

– Меня-то? – недоуменно переспросила каторжанка.

- Павлуша! – радостно ответила девочка.
- Пелагея, стало быть? А как по батюшке?
- Павлина я. Павлина Ефимовна.
- А вас, стало быть, величать Варварой Алексеевной?

Девочка радостно засмеялась.

– Да!

– Павлина Ефимовна, а что случилось с госпожой Вагнер?

Выяснилось, что Наталья, мать девочки, уже двое суток назад ушла в гости к подруге – из их отдаленного шестого квартала, в котором ночью разгромили лавку галантерейщика, в четвертый. Однако сегодня Павлина, устав ждать хозяйку, еще до рассвета, разбудив девочку, отправилась туда, и выяснила, что у этой подруги госпожа Вагнер так и не появилась. Тогда нянька обошла всех других немногочисленных товарок хозяйки – нигде ее так и не видели. О каких-либо других местах, куда могла отправиться Наталья, Павлина не знала. И очень переживала, так как слышала о побеге из тюремного замка, а теперь еще вот и отец Георгий пропал. К тому же, по ее словам, при гадании выпали совсем дурные карты.

Ершов уверил, что полицейские прямо сейчас займутся поисками, а завтра он сам с господином помощником зайдут к Вагнерам.

– Не переживайте, Павлина Ефимовна, мы непременно найдем госпожу Вагнер, в целости и полном здравии!

Поблагодарив, нянька, довольная, удалась вместе со своей питомицей. В сторону Деникина она больше и не взглянула.

Ершов вернулся к француженке, Деникин тоже подсел поближе.

– Итак, госпожа Мерсье, вы вернулись в дом Романовых сегодня утром. В который час?

– Час? Час десять. Один-нацть?

– Хорошо, между десятью и одиннадцатью. И что вы там увидели? Не торопитесь, хорошо все вспомните и расскажите.

– И откуда же вы вернулись в такой час, госпожа? – встрял Деникин. – Где вы были?

Ершов вздохнул.

– Что? Где? Я была у... – девушка покраснела. – Это не скажите, хорошо?

– Ты должна отвечать на все вопросы.

– Именно! Расскажите обо всем, что вы видели у Романова. Ведь это очень важно, чтобы понять, куда исчез ребенок, ваш маленький Андрей.

Серые глаза снова наполнились глубокими слезами, как будто в них налили воды.

– Андрэй! Он больше нет...

– Так что же вы увидели, госпожа Мерсье?

– Гряз. Все гряз от тепло и мадам Элизавет.

– Вы видели пожар? Мм... Огонь?

– Огонь нет, гряз... Мсье Романоф... Идти тоже утро, после я. После-после я. Они ска-
зать я бежать в полиция... Но Андрэй нет, в тепло...

– Они там сами тушили свой пожар и проворонили ребенка, – заметил Деникин. – Так?

– Да, похоже на то.

Гувернантка всхлипнула.

– Поможить... Мадам Элизавет говорить вы помочь...

– Сколько лет Андрю?

– Три, – для убедительности француженка показала три пальца.

– А тебе? – спросил Деникин.

– Два и цатт? И два.

– Ну, уйти он не мог. Должно быть, его просто положили куда-то впопыхах и уже сами нашли. Верно я мыслю, Дмитрий Николаевич?

– Думаю, вы правы, Ершов.

– С другой стороны, господин Романов не склонен поднимать панику попусту. Надо бы наведаться к ним и самим взглянуть. Жаль, что нам придется отложить это из-за того неотложного дела в четвертом квартале.

– Как ни жаль, но так и есть. Придется. Ты можешь идти. Иди же! Мы будем искать твоего ребенка. Завтра, – Деникин указал на дверь.

Шатаясь, гувернантка встала и нетвердой походкой вышла на улицу.

– Вы не приказали проводить барышню, которая, очевидно, не находится в добром здравии.

– С каких это пор полицейские провожают прислугу?

– Она – не прислуга.

– Оставьте, Ершов. Мы не в Петербурге. Как ее зовут?

– Одиль Мерсье.

На Деникина вновь накатила утихнувший было приступ похмелья.

– Как вы знаете, за всю зиму у нас заявлено пропавших только четверо. Рыбак – он предположительно утонул на промысле. Человек Романова из слесарных мастерских – мы думаем, замерз в лесу или стал жертвой хищников, когда отправился за дровами. Портной, судя по всему, сбежал из города со своей... хм... незаконной дамой сердца. А плотник, думается, заблудился, возвращаясь из селения Лесное, где живет его брат.

– Зачем вы все это помните, Ершов?

Вопрос проигнорировали.

– А тут за одни только сутки нам стало известно сразу о четырех исчезновениях. И все – либо видные персоны нашего общества, либо члены их семей. Что вы и отметили, без сомнения. И все это весьма странно. Не похоже на совпадение, верно? Такого здесь еще ни разу не случилось! Сегодня этих людей начнут – по вашему распоряжению, конечно – искать околоточные. Будем верить в то, что их поиски увенчает успех. В ином случае нам необходимо завтра же самим повторно осмотреть дома каждого пропавшего и расспросить домохозяев. Но, разумеется, нашей первой задачей остается розыск господина полицмейстера. Надеюсь, мы успеем начать до того, как придут люди от его превосходительства и станут задавать вопросы.

– Может быть, он уже вернулся, – Деникин совсем не хотел никуда идти. Тем более, в обществе Ершова. Сегодня он уже и так достаточно с ним поработал.

– Превосходно! Тогда мы первыми об этом узнаем.

– Мы в любом случае узнаем, даже без посещения борделя.

– Не забывайте – он мог и не вернуться.

– А что, если он сейчас прямо там, а? Что он о нас подумает?

– Право, я и не ожидал, что со вчерашнего вечера вы стали настолько щепетильны.

– На что это вы намекаете?

– Извольте, какие уж тут намеки? Однако, в самом деле, нам пора идти.

– Снег все идет, Ершов, а я даже не помню, где моя шуба.

– Не стоит беспокоиться: я точно знаю, что она именно там, где вы оставили ее вчера ночью... Но тут недалеко, и мы пойдем быстро. Ваше здоровье не успеет подвергнуться серьезной опасности.

– Скоро стемнеет, – продолжал упираться Деникин.

– А мы без фонаря и не выйдем. Вставайте же! У нас мало времени. Продолжим действовать по вашему плану, а беседу можно вести и в дороге. Забираем Цзи и идем в четвертый квартал. Идемте.

Деникин сдался. Они отправились в путь.

Ш

Грязная кровь

Белого шамана – огромного, быстрого, громогласного, похожего на ледяного великана – так и не нашли.

Со вчерашнего дня все люди хромого рыжего старика суетились, как муравьи в разворошенном муравейнике, то и дело выкликая его имя: «Черный бог! Черный бог»! Но злоба метели, очевидно, не давала целителю слышать мольбы и явиться на призыв.

Гида бы легко мог отправиться за шаманом и привести его. На этот раз ему бы не пришлось и выслеживать: охотник точно знал, куда нужно идти. Но никто его об этом не спрашивал.

Длинноносой женщине стало совсем худо. Вскрикивая от боли, она металась по мокрой от испарины постели, то и дело исторгая из себя зеленоватую вязкую жижу. Ее живот вздулся, она то кричала, то на время отходила духом в мир предков. Вернувшись же, звала сына:

– Васенька! Проститься хочу!

Рыжий старик сидел у ее постели, прикладывая к голове тряпки с кусками снега, занесенные в бочке с улицы.

Он был настолько расстроен, что больше не притворялся всемогущим. Даже его роскошные усы безвольно поникли.

Голосом, совершенно не похожим на прежний – нежным и ласковым – старик повторял на своем непонятном языке одно и то же длинное заклинание. Гида его запомнил. На всякий случай – все может когда-то сгодиться:

– Веронька, милая, держись. Не покидай меня. Я сделаю все, что захочешь, только останься. Мы скоро возвратимся домой...

Теперь могучий старик походил на беспомощного ребенка.

Не доискавшись шамана, люди с рассветом отправились за серым человеком, что гадал по кишкам. Шаманке открывали будущее звери и птицы, но белые люди приносили в жертву таких же белых людей.

Серый человек достал длинный нож и разрезал руки женщины у сгиба. Для сбора крови поставил прозрачные склянки.

Похоже, так они пытались задобрить своих богов. Но те не смилостивились: длинной женщине тотчас же стало хуже. Она готовилась отправиться к предкам и уже больше не возвращаться.

Если бы Гида спросили, то он бы сказал, что длинная женщина наелась губительной чеме-рицы. Эта коварная лесная трава притворялась вкусной черемшой, и оттого свела к предкам не один десяток неопытных охотников. Но только где же длинная женщина смогла найти ядовитый корень в самый разгар зимы?

Пожалуй, Гида уже не смог бы ей помочь – даже если бы его очень сильно упрашивали. Прошло слишком много времени, и теперь это было под силу только шаманам.

Старик вышел в гостиную, переполненную людьми. Схватив с полки волшебный шар, в котором метался заколдованный снег, он с силой швырнул его в стену.

– Немедленно тащите сюда полицмейстера! Хоть из-под земли достаньте! Своими руками выпорю каждого, если через четверть часа этого мерзавца здесь не окажется! Выпорю, закую в кандалы и отправлю на каторгу. Пошли вон! Ищите его – и моего сына.

В первом этаже закудаhtал безумный петух. Он давно потерял связь с природой, и посему объявлял о приходе утра в любое время суток. Однако на сей раз птица оказалась права: рассвет действительно наступил.

Уроки давно начались. Ученики ровными рядами расселись за партами и с нетерпением смотрели на дверь в ожидании своего учителя. Наверное, теперь они начали волноваться, ведь с момента, когда наставник прошел по коридорам, громыхая увесистым колокольчиком, минуло несколько часов. Именно в эту минуту кто-то из ребят озабоченно озвучивал общую тревогу: неужто господин учитель занемог? Надобно его проведать! И ряд стриженных голов – на первый взгляд, одинаковых, но на самом деле – столь же различных, сколь и арбузы на одной грядке, согласно кивнул в унисон: да-да, непременно!

Но кого Чувашевский пытался обмануть? Эти мелкие бесы наверняка сначала, громко гогоча, побросали в воздух портфели, а затем, без сомнения, азартно предались игре в картинки. Так они называли досадные вкладыши к промокашке, которые давно бы следовало запретить. Игра была примитивной: тот, кто переворачивал одним ударом больше листов в стопке – забирал их все.

Каковы родители – таковы и дети. Достойная смена подрастала.

Чувашевский внимательно вслушивался в завывание ветра. Сегодня эти хаотичные надрывные звуки болезненно напоминали ему оперу. Опера! О таком здесь не приходилось и мечтать.

Если бы только можно было взять – и прямо сейчас перенестись в Москву, вдохнуть ее родной запах... Если бы только все вернуть... Чувашевский зажмурился. Вот бы открыть глаза и понять, что все это сон.

Сегодня учитель чувствовал себя совсем больным и разбитым. Во-первых, он действительно занемог – тело ломило, по нему разливался болезненный жар, то и дело сменяемый лихорадочным холодом. Во-вторых, он совсем обессилел. Уже не перечесть ночей, в которые ему не удавалось сомкнуть глаз – а теперь, когда, наконец, наступила тишина, он не мог заснуть от раздражения.

Прошедшая ночь в отвратительном оплоте блудниц превзошла все прежние.

Омерзительные звуки оргии переросли в дебош, а тот, в свою очередь, дошел до перестрелки. В голове не укладывалось, что все это происходило буквально в квартале от резиденции самого генерал-губернатора – буквально под его носом! И при этом оставалось совершенно безнаказанным.

Чувашевскому не оставалось ничего, кроме как лежать в полной темноте и, скрипя зубами от досады, совершенно против желания, вникать в перипетии непростой жизни обитателей веселого дома. Подумать только, к чему скатилась его жизнь – та самая, которая еще пятнадцать лет назад была такой радостной, заманчивой, зовущей и сулящей большие перспективы!

Накануне Чувашевский осуществил задуманное: собрал подписи и отнес жалобу в полицейскую управу. Когда он передавал испещренный разнообразными росчерками листок, то ощутил прилив сил и даже подобие счастья: его горячо уверили, что беззаконие будет устранено.

Каково же было отчаяние Чувашевского, когда он, отодвинув подушку, увидел темно-серые мундиры, крадущиеся в дом терпимости. Нет, он не стал настолько ханжой, чтобы к своим сорока трем годам отрицать естественную потребность, обуревавшую всех, невзирая на ранги и статусы. Но сумерки еще не ступились, и оттого не помешали узнать в тех фигурах помощника полицмейстера и того самого околоточного, что так уверенно обещал избавить Чувашевского от еженощных страданий!

Глухая злоба придала Чувашевскому сил. Он заставил себя подняться с кровати, и, облачившись в уличное, выйти за порог.

Учитель направился напрямик в полицейскую управу. К счастью, путь предстоял недолгий. Каждый шаг по высокому, рыхлому и топкому снегу давался с трудом, ледяной ветер резал лицо. Метель, казалось, и не думала затихать. Чувашевский не помнил, чтобы прежде столь сильное ненастье продолжалось так долго.

Возле управы выла привязанная цепная собака. Дверь оказалась заперта.

Каких только недобрых мыслей не передумал Чувашевский, стоя те бесконечные минуты на пронизывающем морозе. Изначально он настроился крайне решительно – ведь когда-либо засовы должны отвориться! Однако с каждым миготом запас стойкости иссякал, и Чувашевский сдался, так и не дождавшись появления ни единой живой души.

Впрочем, полностью признавать свое поражение он не намеревался. В голове, которую теперь еще сильнее ломало от жара, бушевали протест и жажда действия. Совсем прежние, юношеские, те самые, что в итоге и привели его в этот далекий край.

Он направился прямо туда – в средоточие разврата, источник головной боли и бессонных ночей. К тому моменту, когда учитель постучал в проклятую дверь, ведущую прямо в преисподнюю, он уже окончательно убедил себя, что именно за ней и кроется причина всех его жизненных невзгод.

Разумеется, на стук никто не спешил: блудницы, очевидно, спали сном праведниц после напряженных трудов. Оставив щеколду, Чувашевский принялся молотить кулаком, а потом, с досады, пнул дверь ногой. Она открылась.

Учитель вошел внутрь, мысленно содрогаясь от предвкушения непристойных открытий. Однако то, что он увидел наяву, поразило гораздо больше фантазий. Картина, открывшаяся перед глазами, оказалась до удивления привычной. Коридор был точь-в-точь таким же, как и в его собственном доме. Даже пейзаж местного художника, украшавший холл, мало чем отличался.

Внутри стояла полная тишина. Единственное, что нарушало ее – капающая на металл вода. Похоже, в первом этаже вышел из строя рукомойник.

Чувашевский углубился в здание. Запахло сыростью и дешевыми духами. Вдруг он почувствовал себя вором. Надо бы заявить о себе – но в какой форме сделать это в нынешних обстоятельствах? Здравия дому он не желал.

Учитель откашлялся.

– Сударыни! Не изволите ли меня выслушать? – довольно громко выкрикнул он, но беззвучие не рассеялось. Постояв с минуту, глядя на фигурку фарфорового купидона, Чувашевский продолжил путь.

На ковре у лестницы он увидел комья грязи и большое бурое пятно. Вино? Кровь? Или еще не весть что, водившееся в этом доме? От большой кляксы шли малые, и они вели во второй этаж. Чувашевский продолжил свой путь по ним, и они привели его к распахнутой двери в конце коридора. Зайдя в комнату, учитель увидел непристойно большую кровать, покрытую алым атласным покрывалом. На ложе блуда возлежало, широко раскинув руки, тело, лишенное головы. Оно и стало источником бурых пятен, собравшихся в солидную лужицу у изголовья.

Машинально Чувашевский воздел руку для крестного знамения – однако не успел довершить его. Сзади послышался тяжелый стук – некто грузный двинулся прямо к нему. Но учитель не успел понять, кто это. Секунда, и удар нерубленным поленом для топки свалил его с ног.

– Бяка! – Варя бросила ложку на пол.

Она редко капризничала, но уж если принималась за дело, то основательно.

Павлина отложила кофту, которую штопала, подняла прибор и вернула обратно.

– А ну ишь!

– Не буду, – Варя демонстративно поджала губы. – Фу! Невкусно! Хочу кулебяку!
Нянька продолжила прерванное занятие.

Девочка набрала полную ложку пресной пшенной размазни и вылила на пол.

– Хочу кулебяку!

Нянька встала, деловито накинула засаленный, многократно латанный тулуп, сняла с печи детскую шубку и направилась к своей уже примолкшей подопечной.

– Куда мы идем?

Расторопно вставляя руки в рукава, Павлина невозмутимо отвечала:

– Отведу-от тебя в лес и сдам катам. Оне ужо ждять притомились.

Глаза девочки округлились от ужаса.

– Не надо!

– А они тебя – хоп – на палку – и в огнище. Сжарят – станут исть.

– Не хочу! Хочу кашу, – Варя, готовясь разрыдаться от ужаса, цепко схватилась ручонкой за угол стола.

– Цц, надо. Кто кашу не ист – того каты идят.

– Няня...

Хлипкая дверь, по обыкновению не запертая днем на засовы, отворилась. Она была открыта – однако без стука входили только свои. Вчерашние дядьки – длинный и короткий, белый и черный – к своим точно не относились.

– А вы, вижу, уходите, – неприятным голосом заявил длинный, бесцветный, безликий – тот, что вчера так грубо разговаривал с нянькой.

Черный, мохнатый снял шапку. Одна его рука висела на перевязи.

Варя вспомнила, что намедни он ей очень понравился. Вечером она все выспрашивала Павлину, может ли черт быть добрым. Та ругалась – негоже в ночи поминать нечисть.

– И тебе не хворать, – проворчала, не оборачиваясь, Павлина.

– Мы идем к катам, – ответила Варя.

Нянька странно на нее взглянула и неестественно улыбнулась гостям:

– Ишь чего выдумала. Не слушайте ее, барыны, дите ж ...

– Н-да? И куда ж вы собрались? Девочка?

– В лес.

– Хворосту набрать, – продолжала льстиво растягивать губы Павлина.

Визитеры переглянулись.

– Думаю, сударыня, вам, после того, как мы осмотрим вещи господ Вагнеров, придется проследовать с нами в управу и кое-что обсудить.

Варя чувствовала на своей щеке участившееся дыхание няньки.

– Покажи, где вещи твоих хозяев.

Павлина распахнула дверь в единственную комнату.

– Все там. Поглядьте.

Полицейские проследовали в помещение, прикрыв за собой дверь. Раздались шум выдвигаемых ящиков, шорох разбрасываемых вещей и треск разбиваемых досок.

– Ить ироды, – прошептала нянька.

– Смотри, Ершов!

– Что это? Потайной ящик?

– Да нет же! Смотри сюда!

– Это же... Но этого просто не может быть. Это же все меняет!

– А вот еще... И еще...

– Значит, все вышло совсем не так, как мы полагали. Хм, а кто первый заговорил об этом?

– Ты меня спрашиваешь?

– Оставьте, не до того сейчас!

Шорохи продолжились.

– А это что... Посмотрите-ка.

– Похоже на кровь.

– Уберите оттуда свои пальцы, Деникин. Снова все испортите! Аккуратно сложите – ведь я же все объяснял...

Через несколько минут визитеры потребовали суконный мешок. Свалив туда вещи папеньки, они, совместно держа свою ношу, едва ли не бегом покинули дом. На прощанье не сказали ни слова.

И даже про прогулку с Павлиной в спешке забыли.

Миллер встал задолго до рассвета. Он велел приготовить кофе, и, не зажигая огня, устроился в кресле напротив телефонного аппарата – прибора, позволявшего передавать голос на большом расстоянии. Во всем городе таких имелось лишь три. Один – у Миллера, другой – в резиденции генерал-губернатора, и третий – у купца Перова-старшего.

Как ни странно, но инженер Романов, который установил эти хитрые приспособления, не озаботился тем, чтобы оснастить ими собственный дом.

Аппарат молчал. Обещание оставалось неисполненным.

Стрелки настольных часов отмерили четверть круга прежде, чем Миллер приставил трубку аппарата к уху в надежде, что ветер оборвал провода. Но нет – щелчок, и заспанный охрипший женский голос где-то вдалеке отозвался морским приветствием:

– Аллю!

Миллер повесил трубку на рычаг. Он просто отправится в почтовое отделение и телеграфирует. Напомнит об обещании.

Время, конечно, уходило, но его по-прежнему оставалось достаточно для исполнения первоначального плана.

Вошла прислуга – уголовница, конечно, как и у всех, но с большим преимуществом: умненькая и расторопная, она и прежде нанималась горничной.

За годы в городе у Миллера установились с ней панибратски-приятельские отношения – никак невозможные и даже мысленно недопустимые на минувшем месте службы архитектора в Москве.

Девушка ловко отворила дверь, удерживая в одной руке – поднос, а в другой – лампу.

– Ваш кофей, Лександр Степаныч!

Поставив предметы на стол, она с неодобрением посмотрела на безжизненный телефонный аппарат.

– Прогневали мы господу, Лександр Степаныч.

– Оставь, Маруся, – Миллер сделал первый глоток.

Зелье, принесенное прислугой, мало напоминало привычный напиток, но, тем не менее, со своей задачей справлялось – согревало и пробуждало мысли.

– Прогневали, Лександр Степаныч, – упорствовала девушка. – Во храме не служат.

Миллер заинтересовался: он и впрямь несколько дней кряду за воем ветра не слышал колокольного звона.

– Как же так?

– Неужто вы и впрямь не знаете? – удивилась было девушка, но потом, вспомнила, что хозяин лишь в великие праздники посещал церковь. – Да батюшка-то наш сгинул. Некому больше службы служить. А что, ежели он и до воскресения не возвратится? Где это видано, чтобы в воскресный день во храме Господа не почтили?

– Исчез, говоришь? А когда об этом узнали?

– Вчера не служили... И тот день не служили – стало быть, в тот раз.

Миллер задумался. Он догадывался, что исчез еще и кое-кто другой.

– Страшные дела творятся, Александр Степаныч. У господина Романова вот дите тоже пропало. Вчерась я слышала, шедши мимо управы. А и каты те, беглые, гряд, в лесах за околицей укрылись. А еще, гряд, ямщика почтового тигра разорвала!

– Ты бы слушала все поменьше, Маруся... Люди многое говорят, а у страха глаза велики, – успокоительно предложил Миллер.

Прислуга указала на руку Миллера, затянутую покрасневшим куском фланели.

– Поранились, Александр Степаныч? Может, мне сходить за фельдшером в управу? Доктор-то опять запил.

– Не стоит. Я, пожалуй, сам выйду.

– В контору-то? Да лучше бы дома оставались, в экую-то пургу. Вас там совсем заметет, пока дойдете. Говорю же: прогневили мы господа.

– Нет, Маруся, не туда... Послушай-ка. Когда я выйду, то ты запри все засовы. А я велю Матвею, чтобы и снаружи дверь подпер.

Девушка посмотрела с пониманием.

– Конечно, как изволите, Александр Степаныч.

Романов скручивал листы плотной бумаги в трубки и поочередно укладывал в основательный кожаный портфель. Он явно намеревался, несмотря ни на что, отправиться в контору.

– Не оставляй меня вновь! Не сегодня! – Елизавета схватила мужа за руку. В голосе слышались знакомые Романову интонации, грозящие приближением обострения недуга.

В Москве ее расстройство определили, как истерию. В прошлом году, возвращаясь из поездки в столицу, которую посещал по вопросам службы, Романов специально сделал остановку в белокаменной. Он решил обратиться за консультацией в психиатрическую клинику при университете. О ее новом директоре – прогрессивном, как сам Романов – профессоре Сербском, инженер был много и хорошо наслышан. Увы, он получил хоть и обстоятельнейший, но не особо обнадеживающий ответ. Профессор предполагал, что трудное рождение сына вызвало у Елизаветы серьезные изменения в психике, следствием которого стали мучающие ее воспоминания о пережитой боли. Они же, в свою очередь, провоцировали нервные приступы. Светило от медицины рекомендовало, как единственный выход, личный осмотр и лечение больной под наблюдением.

Расстроенный Романов уже выходил за ворота клиники, как его окликнул один из ассистентов профессора с предложением уединиться за пределами лечебницы и спокойно обсудить вопрос инженера. Они зашли в кофейню поблизости, и там новый знакомый, отрекомендовавшись учеником самого Зигмунда Фрейда, предложил в качестве лечения больной прогрессивный метод – массаж. Дама могла бы производить его самостоятельно с помощью нового прибора – по словам врача, крайне эффективного средства. Романов купил его прямо у ассистента.

Однако один лишь вид гостинца спровоцировал у Елизаветы новый приступ болезни. Сначала она пришла в ярость, потом разрыдалась, обругала Романова срамником и отказалась разговаривать почти на неделю.

– Как ни жаль, но я вынужден, Лиза. Ты должна понимать.

– Я понимаю! Твой ребенок пропал, Анатолий! Дом едва не выгорел дотла! А ты намерен вернуться к своим обыденным делам, как будто все это и вовсе не имеет для тебя ни малейшей значимости!

– Лиза... – Романов аккуратно разжал тонкие пальцы, стальной хваткой обьявшие его запястье. – Не явившись в контору я, по всей вероятности, подведу весь этот город, подведу лично самого его превосходительство... Однако, чем же я смогу помочь, оставшись здесь?

– Ты так самонадеян, Анатолий! Я не в силах поверить глазам – ты и в самом деле так убежден в собственной исключительности! Ты мнишь себя вершителем судеб... Ты наконец-то смог получить власть, которую тебе не доверили в Петербурге. И... О, боже! Ты все это время мне лгал. Как же я могла ранее этого не понять? Ты и не намерен покидать это место. Тебе и нет, и не было никогда никакого дела до собственной семьи, до меня.

– Лиза! Ты заблуждаешься!

– Но в самом же деле ты никчем, Анатолий! Это ты погубил мою жизнь, сгубил и своего сына!

Появившаяся накануне тяжесть в районе грудной клетки – Романов полагал, что именно там живет душа – становилась почти невыносимой. Однако ей никак нельзя поддаваться: это прямой путь к остановке и гибели. Нужно отвлечься, заняться важным, значимым, существенным... Со временем камень начнет становиться все легче – это Романов точно знал. Но он все равно останется.

– Лизонька, милая, Андрюшу сейчас ищет вся полиция этого города. Но ты должна понимать, что могло случиться самое худшее...

Елизавета в голос заплакала.

– Не смей так говорить! Не смей! Ты обязан отыскать его!

Романов протянул руки, желая приобнять жену – но она гневно отвергла ласку, продолжая рыдать.

– Это ты нас погубил!

С минуту инженер смотрел на слезы Елизаветы, стараясь удержаться от проявления своих собственных, которые предательски наполняли глаза. Затем кликнул гувернантку:

– Одиль!

Обычно француженка расторопностью не отличалась, но тут вошла тотчас же. Очевидно, подслушивала под дверью.

– Одиль, принесите госпоже ее капли, – приказал Романов. – Лизонька, мне в самом деле, жаль, но я все же вынужден тебя оставить. Я пришлю своих людей, и они помогут расчистить гостиную...

– Гостиную, – сквозь слезы, громко захохотала Елизавета. – Ты смеешь звать гостиной этот хлев...

Не в силах больше наблюдать сцену, Романов, на ходу надевая меховую шубу, взял портфель, оставшиеся неразобранными бумаги и вышел за порог. Елизавета – босая, в ночной рубашке и кофте, с нечесаными распущенными волосами – но даже такой она оставалась невероятно красива! – бросилась в снег за мужем.

– Останься, прошу!

Романов внес ее на руках в дом, опустил на кровать. Одиль принесла лекарство, которое Елизавета согласилась принять.

С тяжелым сердцем Романов все же отправился в контору.

Елизавета начала успокаиваться. Одиль стояла, опустив голову, у ее кровати, явно собираясь что-то сказать.

Елизавета посмотрела на нее с ненавистью.

– Не смей! Молчи, слышишь! Ты должна молчать!

IV

Бумажные хлопоты

– Ершов! Подумайте, куда Осецкий мог спрятать свои бумаги? – Деникин на всякий случай снова заглянул в письменный стол, но там по-прежнему стояла лишь одинокая пересохшая чернильница.

За столом он тоже смотрел. И под ним, и на полках. Даже в расщелины между досками заглянул – с минувшего дня помощник полицмейстера обрел кое-какие навыки. Однако в бывшем кабинете Осецкого – отгороженном углу управы – не удалось отыскать ничего, кроме пыли. Между тем, Деникин явно помнил: в те нечастые разы, когда он прежде заглядывал в эту мрачную конуру, все ее поверхности ломались под кипами документов.

Впрочем, на самом деле Деникина не особенно интересовала писанина. Вряд ли Осецкий держал при себе рукописную выписку из учебника по расследованию преступлений, где подробно описывал каждое действие. А именно это и стало единственным, что побудило Деникина обследовать закрома. Он рассчитывал найти какую-нибудь полезную книгу, в которой бы говорилось, например, о том, как можно использовать засохшие пятна крови. Или не крови. Как вообще понять, кровь это или нет?

Но, конечно, признаться в том Ершову было совершенно невозможно. Так что помощник полицмейстера сообщил, что намерен найти записи Осецкого – там наверняка остались какие-то зацепки. А вдруг он что-то знал или кого-то подозревал?

– Кончайте копать, Деникин. Вас ждет его превосходительство, не забыли? Пошел второй день, и его терпение совершеннейше исчерпалось, уверяю вас.

– Он ждет не меня.

– Именно вас! То, что он изволил запомнить вашу фамилию, никак не избавляет вас от исполнения долга.

За тонкой перегородкой послышался тяжелый топот, под которым прогибались подгнившие половицы – в управу ввалился Епифанов.

– Учитель реального Чувашевский тоже исчез. Нам искать?

– Конечно! Да, господин помощник?

– Ищите!

Половицы прохрипели снова, теперь в обратном порядке.

Окончательно устав от бесполезного занятия, Деникин вышел из укрытия. Ершов курил, нежа на груди раненую руку.

– Почему же вы не выяснили подробности, Ершов?

– Я должен бы переадресовать этот вопрос вам. Но, впрочем, ответ мне и без того известен... Боюсь, что мы не сможем найти никого, если будем пытаться искать всех одновременно. При том – не имея никакого представления о том, куда они могли подеваться. Думаю, для начала нам нужна хоть какая-то стратегия. Предлагаю делить пропавших по важности. В первую голову мы продолжим искать господина полицмейстера и капитана Вагнера.

– Но почему из всех вы выбрали именно Вагнера?

– Вы серьезно? Похоже, тут политический вопрос.

Это словосочетание и его возможные последствия вызвали у Деникина изжогу.

– Чувашевский – это тот ханжа и зануда, что вечно носил сюда кляузы?

– Вы скверно влияете на меня, Деникин – но да.

– А что беглецы? Их нашли?

– Говорят, что нет, но, думаю, они где-то поблизости. Их просто толком не искали. Кому охота таскаться по лесам в метель и стужу? Нам, то есть вам, надо бы самому выйти вместе с отрядом. При вас люди не разбегутся. Не смотрите на меня так: вы можете взять коня.

– Пожалуй, я прикажу заняться этим вам. Только, увы, придется отправиться пешком: вряд ли вы сможете править одной рукой.

– Вы правы, Деникин: это весьма неловко. Впрочем, слушаюсь! Когда нам отправляться?

– Выходите прямо сейчас.

Ершов растоптал окурок и встал. Между тем, приоткрывшаяся дверь впустила очередную порцию снега, а вместе с ним – ординарца генерал-губернатора, длинного худого солдата, от недоброго взгляда которого холодела кровь, и рябую девушку простого сословия.

– Как господин полицмейстер, вашеродие? Сыскали? Нам велено без него не вертаться, – солдат, разговоров с которым Деникин целые сутки столь успешно избегал, теперь обращался прямо к нему.

Сослаться на безалаберных подчиненных, посмеявших не донести волю генерал-губернатора по адресу, уже никак не выйдет.

– Именно сейчас мы его ищем, и поиски близки к завершению, – Деникин изо всех сил старался добавить голосу металла, а взгляду – высокомерия.

– Ну, коли не сыскали, то его превосходство велело доставить к нему лично вас. Пойдемте с нами, вашеродие.

Деникин беспомощно посмотрел на Ершова, но тот тщательно отряхивал свой мундир от несуществующих соринки.

– погоди же, я хотела бы сперва заявить, – самоуверенно возразила рябая девушка.

– Подождешь. Нам самим его превосходством велено! Мы сутки на улице стоим, пуще тебя притомились да околели.

– Господин помощник, позвольте побеспокоить! Вы как раз собирались сами нанести визит его превосходительству, чтобы передать отчет... Неловко отвлекать, но я вынужден просить вас задержаться всего лишь на пару минут...

Солдат шумно вздохнул.

– Извольте подписать те срочные бумаги, что я оставил на вашем столе в кабинете? Дело важное...

– И что, оно никак не может подождать до моего возвращения, Ершов? – царственно спросил Деникин. В сердце затеплилась надежда избежать прогулки в белокаменную резиденцию.

– Боюсь, что нет...

– Но отчего же вы не сообщили мне ранее, когда я не так торопился исполнить свой долг перед его превосходительством?

– Простите, Дмитрий Николаевич. Вы были так заняты, что я остерегся вас беспокоить – а о визите к его превосходительству и вовсе запамятовал...

Ординарец осуждающе-сочувственно покачал головой.

– Ну, что ж поделаешь... Подпишу.

Деникин отправился в закуток Осецкого и уселся на стол.

Сперва он ликовал, как ребенок. Но уже через миг в голову прокрались отрезвляющие мысли. Отсрочка долго не продлится. И хотя Деникин не сомневался, что солдаты не посмеют силком доставать его из укрытия, но когда-либо все же придется выйти. И отправиться напрямиком к генерал-губернатору – человеку жесткому и жестокому.

– Что же вас привело, барышня? – тем временем спросил Ершов.

– Заявить хочу о пропаже.

– Пропаже чего? Имущества?

– Человека! Барышни нашей, госпожи Миллер. Она пропала напередни прямо из-за закрытой двери!

– Солдат! В управе курить не дозволено! – вдруг грубо окрикнул Ершов, изменившей своей раздражающей привычке к вежливости. – Попрошу выйти и ждать за дверью!

И снова его голос, уже в адрес девушки:

– Из дерева сложена! Мы так никогда с пожарами не справимся. Люди его превосходительства, а городские уложения не чтят. Так, давайте-ка я возьму бумагу и начнем сначала.

Деникин, почти не спавший накануне, задремал на стуле, положив голову на стол.

– Деникин, вставайте! Решительно не понимаю, чем вам так приглянулась управа в качестве места для отдыха. На мой взгляд, она совсем для того неудобна.

– Те люди ушли?

– Нет. Они солдаты – терпеливые. Стужа им нипочем. Впрочем, даже если бы и земля разверзлась, они бы не сдвинулись с места. Гнев его превосходительства, говорят, пострашнее непогоды.

Деникин вышел из-за огородки, зевая.

– И что теперь будет, Ершов? Зачем я тебя послушал? Как мне объяснить свой отказ явиться к господину Софийскому?

– Ничего такого я не советовал. Я вас лишь ненадолго задержал. А все остальное – ваше собственное решение.

– Сколько у нас сегодня пропавших?

– Вместе с дочерью господина архитектора – уже шесть.

– Эх, Александра Александровна... Красивая барышня.

– Ваша правда. Возможно, похищена. Но она – не дело первой важности. Как ни отвратительно мне говорить такие вещи.

– Если бы исчез его превосходительство...

– Вы, конечно, понимаете, Деникин, что если подобный инцидент свершится – упаси господь – наяву, то именно вы и будете мной заподозрены.

Ершов достал стопку свежей бумаги. На общем столе в посетительской лежали письма, найденные накануне в доме Вагнера, и приколотый к чистому листу запятнанный обрывок ткани, аккуратно вырезанный из рубахи пропавшего. А еще – книги. Деникин взглянул на обложки. Их-то он и искал! «Доктор Ганс Гросс. Руководство для судебных следователей, как система криминалистики», «Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний, составил полковник Попов». Последняя – порядком устаревшая, как никак 1885 год.

– И что, вы почерпнули оттуда что-то новое, Ершов? – стараясь не показывать особого интереса, спросил Деникин.

– Нет, я позаимствовал их у господина Осецкого, после того, как он нас покинул, и пока не нашел возможности прочесть.

Ершов уселся, поудобнее устроил перевязанную руку, обмакнул перо в чернильницу.

– Вы собрались писать стихи?

– Не склонен к поэзии, Дмитрий Николаевич, как ни прискорбно. Обделен сим талантом. Вместо того я планирую зафиксировать все, что нам стало известно. После же мы с вами разорим, с его будущего позволения, запасы вашего хорошего приятеля фельдшера и попробуем провести анализ обрывка ткани.

– И что это даст?

– Ну, если вы не погубили образец и не испортите реактивы, которые приготовите – я бы смешал их сам, но вы отстрелили мне руку – то мы узнаем, кровь ли на рубахе и принадлежит ли она человеку.

Околоточный подчистую присвоил себе замысел Деникина! Помощник полицмейстера разозлился.

– Мы можем допустить это и так, не занимаясь алхимией.

– Верно. Но, возможно и то, что господин Вагнер по неосторожности замарался вареньем. И он вовсе не похищен и убит, как мы предполагаем, а отправился туда, куда и, судя по письмам, собирался. Это изменит нашу картину, не так ли?

– Ну, допустим, мы все же решим поставить ваш опыт. Как же мы это сделаем?

– Не имею ни малейшего представления! Может, вы дадите мне указания? Ведь вы, в отличие от меня, образованны в достаточной степени, чтобы соответствовать образовательному цензу.

– А в книгах случайно о том не сказано?

– Весьма надеюсь, Деникин! Весьма!

Ершов вывел на листе бумаги большую цифру «1», и ниже – букву «В». Судя по почерку, в гимназии он числился самым прилежным учеником.

– Капитан Вагнер, предположительно, пропал еще осенью. Так и запишем – октябрь месяц, 1906 год. Что еще мы знаем? Писем пока не касаемся.

– В его доме работала каторжная прислуга, связанная с нынешними беглецами.

– Верно! И мы ими непременно займемся. Точнее, лично я, как вы и приказали, а вы тем временем навестите его превосходительство.

– С осени в городе ходят разговоры об отъезде инженера к государю. Источник их неизвестен.

– Пока неизвестен! Да, запишу. А еще отметим, что Вагнер руководил строительством участка железной дороги, ныне замороженным в связи с затруднениями технического толка до его возвращения.

– Инженер был очень дотошным начальником. Стремился знать все в мелочах, в том числе за пределами своих полномочий. Он слыл высокомерным, неприятным, нелюдимым человеком. Вечера проводил дома, общество не посещал, в карты не играл.

– Ответственный, принципиальный, честный офицер и добродетельный семьянин. И почему мы так упорно говорим о нем в прошедшем времени? Это не более, чем гипотеза.

– Складывалось впечатление, что он за всеми наблюдает.

– Да-да, и оно не обмануло.

– Тем не менее, пост Вагнера не позволял допустить мысли о том, что его труд и персона способны заинтересовать государя лично.

– Мы ясно видим, что в городе догадывались о его истинных задачах.

– И потому он так тщательно спрятал свои бумаги между досками за стеной, да еще и в укладке с двойным дном.

– Действительно – он вряд ли предполагал, что кто-то из его гостей окажется способен не только видеть сквозь стены, но и столь поспешно их разрушать. И, по правде говоря, даже я не ожидал, что вы одним лишь ударом ноги обратите укладку в труху.

– Вы меня недооценили.

– Прежде, чем растоптать ее, вы могли позволить хотя бы взглянуть на тот хитрый замок. Но, впрочем, сделанного не воротишь. Итак, переходим к главному. Рубаха, спрятанная под половицей.

– Ее аккуратно сложили. Его жена?

– Не исключено.

– В таком случае, она знала о том, что случилось с супругом.

– И если так, то опасалась предавать дело огласке. Вот и спрятала рубаху, сложив по привычке – а сама поддержала весть об отбытии Вагнера. Или даже стала ее источником, что мы и выясним.

– Впрочем, спрятать рубаху могла и прислуга.

– Верно. Далее, в своих отчетах Вагнер доносил не только о взяточничестве и беззаконии. Он прямо намекал, что деньги, выделенные на строительство другого участка, присвоены.

Однако о деталях умолчал, хотя и заметил, что обладает достаточными доказательствами. И потому просил министра о личной аудиенции.

– Но почему последние письма не отправлены?

– За ним следили? Или шантажировали?

Ершов отложил перо.

– И что мы имеем в результате?

– То, что желать исчезновения Вагнера мог едва ли не каждый в городе.

– Однако теперь мы знаем один из возможных – и самый вероятный из них – мотив. А вы не желали даже опросить эту няньку.

– Опять вы взялись за морализаторство, Ершов. «Полина Ефимовна», – передразнил Деникин.

– Павлина. Но мы запомнили про супругу Вагнера.

– Она ушла куда-то, обманув няньку.

– Или ее похитили по дороге.

– Или нянька солгала нам.

Ершов пододвинул второй лист бумаги и вывел на нем цифру «2».

– Не желаете немного отдохнуть, Ершов?

– Извольте прерваться и навестить генерал-губернатора?

Деникин демонстративно фыркнул.

– Мы знаем из писем Вагнера – и городской молвы – что господин полицмейстер подозревался во взяточничестве, содержании дома терпимости и опиумных курилен, а также учинении беззакония и его потворствовании. В его чине все это – уголовное преступление.

– Верно, Ершов. Полагаете, что господин полицмейстер заставил Вагнера замолчать?

– Если предположить, что вышло именно так, то вряд ли бы он после этого столь стремительно скрылся в ночи. Господин полицмейстер – влиятельная персона, а не пьяный плотник, случайно зашибший собутыльника. Не думается, что он связан с пропажей Вагнера, и уж точно не таким образом. Хм... Мне по-прежнему кажется, что история берет начало в веселом доме. О том говорит не только биография господина полицмейстера, но и прием, оказанный нам. Впрочем, если бы не вы, то мы бы сейчас не терзались догадками, а знали наверняка, и даже, возможно, уже отыскали бы пропажу.

– Напротив – то ваша вина!

Однако в этом споре каждый из собеседников в глубине души не считал себя правым.

В тот вечер, который Ершов избрал для посещения борделя, принудив последовать за собой и Деникина, все сразу же пошло не по плану.

Сначала они отправились за переводчиком и доверенным лицом полицмейстера, первым поднявшим суету из-за отсутствия своего патрона. Помимо всего прочего, он еще и пользовался доверием обитательниц заведения.

Дядя Мишай жил – притом весьма скромно – поблизости от управы и особняка полицмейстера. Но дома его не оказалось, хотя и об исчезновении говорить пока было рано. Обе жены Цзи Шаня не выказывали никаких признаков беспокойства. Встретив гостей, молодые маньчжурки, наряженные и украшенные, как китайские куклы, и так умасненные благовониями, что воздух в жилище стал плотным, как масло, вернулись на ковер к своим трубкам.

Игриво хихикая, женщины на ломаном русском, но все же вполне понятно, сообщили, что дядюшка ушел, и найти его можно: 1) в полицейской управе;

2) у полицмейстера; 3) в квартале китайских лавочек; 4) на складах; 5) у дядюшки Лао; 6) в кабаке; 7) в курильне; 8) в заведении дядюшки Фаня...

Каждый раз при перечислении женщины загибали пальцы – их едва хватило.

– В общем, он может быть где угодно, – резюмировал Деникин.

– Однако мы вряд ли обнаружим его в синаматографе либо Общественном собрании, – съехидничал Ершов.

Относительно дальнейших действий мнения разделились. Деникин предложил сразу же отправиться в бордель (или же спокойно разойтись по домам – в тот день ординарец Софийского его еще не преследовал). Ершов, напротив, хотел во чтобы то ни стало найти Мишая, даже если бы пришлось обойти весь город. Деникин уже предвкушал бесконечную прогулку по темным улицам, по окна домов засыпанным снегом, как Ершов вдруг сдался и согласился на компромисс: сперва – к полицмейстеру, а потом сразу в веселый дом.

Деникин оказался прав: в особняке главы полиции их встретила лишь озадаченная прислуга, сообщившая, что не видела дядюшку Мишая с самого полудня. От предложения поднять слегшую с мигренью хозяйку визитеры отказались, и, наконец, направились туда, где ожидали встретить ответы.

Веселый дом встретил приветливо – объятиями и улыбками. В зале играли на пипе – инструменте наподобие лютни, пахло духами и бангом – дурманящими сигарками, приводившими в веселое настроение. Среди лиц, мелькавших вокруг – и русских, и китайских – виделось немало совсем юных и весьма смазливых. Однако Деникин был совсем не в настроении, а Ершов, по-видимому, испытывал к представительницам ночного ремесла брезгливость. Он явно нервничал.

А потом околоточный заговорил, и веселье рассеялось. Вместо того, чтобы проявить дружелюбие и попросить об услуге, Ершов сходу официально представился и ледяным тоном выложил цель посещения – поиски пропавшего полицмейстера. Он и впрямь забыл, что пришли они с частным визитом, и при том – к даме сердца пропавшего?

– Не понимай, – прелестно улыбаясь, отвечала на все вопросы голова с безумно высокой, унизированной шелковыми цветами, прической. Ее обладательница вышла навстречу Ершову с Деникиным после того, как прозвучало слово «полиция». Похоже, она занимала в иерархии веселого дома место выше, нежели обычные барышни.

Пробившись с ней минут десять, помощник полицмейстера и околоточный отчаялись, и, не стовариваясь, двинулись вглубь борделя. Голова побежала следом, хватая полицейских за спины миниатюрными ручонками с дьявольски длинными ногтями.

– Низя, низя, барина! Скока нада, барина? Все есть, все дам! – похоже, в итоге она решила, что Ершов с Деникиным пришли не то с облавой, не то с намерением и вовсе задержать обитательниц, а веселый дом – выселить.

Тревожные крики на китайском огласили здание сверху до низу. Девушки, еще недавно столь приветливые, разбежались. Музыка стихла, но сменившие ее стуки и шорохи спешных сборов звучали ничуть не тише.

– Вы сами все испоганили, Ершов. Зачем вы их распугали? – шепнул Деникин.

Околоточный выглядел крайне подавленным.

Не зная толком, что собирались найти, они стали распахивать подряд все двери. Те, что уже успели запереться, поддавались пинку Деникина.

– Цзи Шань! Мы ищем Цзи Шаня! – периодически оповещал Ершов.

Помощник полицмейстера очень хотел спросить: зачем? Но еще более его интересовало то, что могло случиться, если бы напарник все же сыскал желаемое. Деникин дорого бы отдал, чтобы на это взглянуть! Какой-то околоточный, столь возмутительным образом – и, главное, совсем без повода – беспокоящий наперсника полицмейстера, да еще в его тайном логове! Нашел бы Ершов, чем объяснить свой поступок?

Однако, пройдя почти до конца коридора второго этажа, полицейские не встретили не только Мишая, но и вовсе ничего примечательного, кроме бегущих впопыхах горожан и шустро одевавшихся девок.

Но вдруг свершилось. Выбив очередную дверь, Деникин понял, что они определенно что-то нашли. В полутьме – лампу предусмотрительно загасили – к окну метнулась фигура. Посетителям веселого дома не грозила кара, у них не имелось резона так рисковать собой – значит, причина крылась в другом.

Но обо всем этом помощник полицмейстера подумал гораздо позже. В тот же миг он в мгновение ока достал оружие и спустил курок, целясь в ногу. И тут произошло нечто такое, чего он никак не мог объяснить...

Вместо того, чтобы устремиться к цели, пуля полетела назад.

Пусть Деникин и не назвал бы себя эталоном благородного джентльмена, но он точно не собирался, несмотря на все разногласия, исподтишка стрелять в бок Ершова.

Фигура скрылась в окне.

Околоточный закричал и согнулся. Деникин наклонился к нему, и тут краем глаза заметил движение. В комнате находилась еще одна тень – и она, как и первая, намеревалась улизнуть через окно. Помощник полицмейстера бросился к ней и ухватил за одежду.

Но тень – она оказалась женщиной – вырвалась сильным звериным движением. Она устремилась в коридор, оставив в руках Деникина солидный обрывок своего – как окажется на свету, желтого с красной вышивкой – платья.

Отбросив его, Деникин снова вернулся к Ершову.

– Черт, как же больно! Будь ты проклят, Деникин – чертова ты свинья! Ну зачем же ты это сделал?? Уйди – лови девку! – шипел раненый.

Деникин подчинился, полагая, что сейчас не самый годный момент для счетов из-за оскорблений.

Он перевернул весь дом, разбрасывая ящики с бельем, круша гардеробы и ломая стулья – но особа, одетая в рваное платье, канула без следа. Вскоре к нему присоединился малость пришедший в себя Ершов – раненую руку он замотал отброшенным Деникиным обрывком. Однако дальнейший учиненный ими разгром уже не нес в себе никакого смысла – добыча вырвалась из капкана.

Выпустив пар, Деникин с Ершовым в молчании направились в лечебницу, при которой квартировал Черноконь. Однако она оказалась закрыта, окна темны.

Пошли будить полицейского фельдшера.

– Я только об одном хочу спросить – как это вышло? – в дороге нарушил тишину Ершов.

– Я стрелял в ногу, – кратко отвечал Деникин.

– Мне?

– Да нет же! Ему. Тому, кто вылез через окно.

– Но это возможно только в едином случае. Постойте-ка. То есть как? Как вы смогли нажать на курок, держа пистолет дулом к себе – и даже не понять этого?

– Я спешил. Ты и вовсе ничего не сделал!

– А зачем вы вообще стреляли? Зачем нам тело? Они разговаривать не способны. Эх, Деникин... – Ершов неожиданно захохотал. – Да вы даже застрелиться сами не сможете!

Деникин недобро молчал.

Разбуженный полицейский фельдшер успокоил боль Ершова морфием, затем, ворча, достал пулю, обработал рану и наложил повязку. Закончив работу, он уверил Деникина, что жизнь его подчиненного совершенно точно находится вне опасности.

Вопросов о происшествии фельдшер, ко всеобщему удовольствию, не задал.

– Если бы не ваша попытка меня застрелить, мы бы непременно поймали и опросили хотя бы одного из них. А то и обоих. Я бы отправился за беглецом, а вы – за женщиной, на которой разорвали платье.

– Если бы вы не перепугали их с самого начала своими разговорами, а потом – поисками дядьки Мишя, они бы и вовсе не стали разбегаться!

– А ну разойдись! Срочное дело до господина помощника! – проревел знакомый бас за дверью прежде, чем она распахнулась.

В управу вошли околоточный Сомов в паре с почтовым ямщиком. Вместе с ними к Деникину явилось спасение от сегодняшнего визита в белоснежную резиденцию.

Однако в целом же ситуация теперь стала куда более запутанной.

V

Звери лесные

Право, лучше бы на двери висел замок. Тогда бы можно было просто применить ключ, оставленный радушным хозяином на привычном месте – шнурке между оконными ставнями и стеной. А как попасть дом, запертый изнутри, не разбивая окон и не учиня иного варварства?

Не горел свет, не слышались и звуки. Если бы жильцы спали, то уже давно бы вышли на стук и крики, настолько громкие, что подняли бы и покойника. Однако дверь отворяться не собиралась, и теперь у Василия не имелось ни единой идеи, куда податься.

Удивительно, как все сложилось.

Сын генерал-губернатора Софийского знался с многими горожанами, изрядно пренебрегая сословной дистанцией – чем немало гневал родителя. И если бы еще неделю назад его спросили, в чьем доме он смог бы скоротать ночь – он бы смело указал на десяток. Но, когда такая нужда и впрямь настала, выяснилось, что идти Василию абсолютно некуда.

О возвращении в зимовье не могло быть и речи. Почтовые сани, на которых Василий прибыл в город, скорее всего, до сих пор стояли в полицейской управе. Предлагать же свою компанию местным – малочисленным смельчакам, кто отваживался покинуть относительно спокойные границы города в такое ненастье – было нелепо. По городу быстро бы разошлась молва о появлении Василия, и в таком случае замысел полностью утрачивал смысл. С таким же успехом сын мог прямо сейчас не пытаться укрыться в лечебнице, а направиться прямо в резиденцию папеньки. И увидеть там... что?

Василий по-солдатски скрутил сигарку из самосада и сел на затвердевший потоптанный сугроб. На него не раз наступали, стремясь заглянуть в темнеющие окна мансарды. За ними располагался кабинет хозяина, и визитеры, очевидно, чаяли застичь его спящую тень.

Юноша очень устал. Каждая часть тела настолько молила об отдыхе, что не особо беспокоили и ветер, и мороз. С тех пор, как Василий в последний раз отдавался в объятия Морфея, прошел длинный день, сменившейся долгой ночью – но и она теперь близилась к рассвету.

Он вышел из зимовья рано, окончательно утомившись от бездеятельного неведения. Минуло уже три дня. Стало быть, если все прошло по плану, его возвращение не вызовет особых вопросов.

Долгие часы Василий продирался сквозь лес, увязая в снежном болоте. Несколько раз он упал, угодив в скрытые снегом веревочные ловушки. Василий убеждал себя, что это тот самый путь, которым он пришел в зимовье ранее. Но верилось с трудом: три дня назад он вовсе не замечал на пути никаких преград.

Неужели и тогда его сопровождали все эти шорохи и хрусты – звуки лесной жизни, которая продолжала идти своим чередом и в метель? Каждый раз, заслышав их, Василий останавливался, вскидывал ружье и нервно озирался по сторонам.

Когда он, наконец, добрался до тракта, то чувствовал себя совсем обессиленным.

– Нет, Гида, не вышло из меня настоящего охотника, – сказал он вслух, утирая пот.

Еще не дойдя до станка, Василий понял, что ему крупно повезло. Издалека он заметил у навеса распряженные сани, ветер доносил ржание и тихий перезвон колокольчиков.

Судя по всему, почтовая тройка прибыла уже довольно давно, и скоро должна была продолжить дорогу.

Зайдя в станок, Василий от души широко перекрестился.

Станковой, почтовый курьер – совсем юный унтер-офицер, чуть старше Василия – и ямщик пили чай.

– Здравия, братцы!

– И ты будь здоров.

– До города возьмете?

– Ну, садись. Эх, и неохота ж двигаться в экую пургу...

Станковой снова поставил самовар, а унтер-офицер продолжил прерванный рассказ. Он говорил о нападении волков, которые двумя днями ранее скинули с повозки сопровождавшего ее казака.

Курьер пытался говорить бойко, но, судя по всему, происшествие произвело на него глубочайшее впечатление и он до сих пор не пришел в себя. Они с ямщиком уцелели чудом, хотя пытались обороняться и застрелили нескольких зверей.

– Господь миловал! Тройка в лес унесла, едва потом нашли дорогу на тракт...

– Вот жизнь... То зверье, то каты... Слышали – сызнова то ли семь, то ли восемь из замка давеча в леса подались? – подхватил станковой.

Василия такие разговоры, привычные с детства, не слишком-то удивляли. Впрочем, о происшествии, связанном с недавним побегом, он бы охотно послушал снова: в тот раз тюремные обитатели нанесли папеньке небывалое оскорбление.

– А как они сбежали-то? – спросил он с деланным любопытством.

– Ну, всякое болтают... Говорят, о тот раз сам генерал приехал в замок с ревизьей. И одна гнусная баба – из женской, стал быть, части – в его превосходство плюнула, а потом оголила все, что скрывать надобно, да и прямо там до ветру, за малой нуждой, и пошла.

– Прямо у всех на глазах? – изумился почтовый курьер.

– Болтают, что так. Ну, шум поднялся, стало быть, у замке. Пока ее пороли-то, те, стало быть, то ли семь, то ли восемь – решетину спилили и будь таков...

Через пару часов тройка двинулась по пути, указанному верстовыми столбами.

Мерный ход убаюкивал, и Василий задремал в санях. Пробудился неожиданно, уже у околицы. Тройка встала так резко, что Василий едва не вылетел на тракт. Кто-то выстрелил – и попал. Вблизи заскулили.

– Волки! Волки!

Василий тоже взялся за ружье, спрыгнул с саней и пальнул – как раз вовремя, прямо в ощеренную пасть.

Выстрелы отпугнули зверей – остатки стаи скрылись в лесу.

Ямщик, одобрительно гудя, закинул в сани трех поверженных хищников.

– Вновь волки, – курьер, сделавший два первых метких выстрела, совсем поник.

– А поглядьте-ка, как что видится... Что это они разорвали? – ямщик снял с повозки фонарь и подошел поближе, осветив нечто, черневшее на снегу.

Оно оказалось человеческим телом.

– О боже... Царица небесная... – курьер отступил назад и перекрестился. Его спутники тоже сотворили знамение, после чего ямщик вернулся к осмотру находки.

– Посмотри-ка, что у него тут... Башку почти начисто срезало, и так ровнехонько... Не, это не волки. Кто-то его сперва уложил, а зверюги уже опосля пришли...

– Не может быть... Волки не едят трупов, – продолжая отступать, отвечал унтер-офицер.

– Едят-едят. Бескормица ж – они все что хошь едят.

Василий наклонился над телом.

– Это был господин полицмейстер, – уверенно сообщил он.

– Эх, батюшки... Ну так и так, а дорога с ним всяко едина – в управу...

Ямщик взял тело под мышки и затащил в сани. Все вернулись на свои места и продолжили путь.

Поравнявшись с первым жилым кварталом, Василий сердечно поблагодарил спутников и спрыгнул с саней.

Он двинулся прямо к лечебнице – где его и встретила запертая изнутри дверь.

Василий бросил окурок и поднял глаза. По рыхлому снегу ловко, как будто вовсе его не касаясь, двигалась знакомая тень. Юноша привстал, не в силах поверить глазам. Мираж в ледяной пустыне? Но нет, по мере приближения она обретала явную материальную форму.

Вместо ожидаемого приветствия, тень поманила Василия, указав направление рукой.

Периодами приходя в себя, Чувашевский понимал, что лежит на полу той самой комнаты, куда так опрометчиво заглянул.

Потом его волоком стащили вниз и погрузили на телегу. Он опять потерял сознание, и снова очнулся от падения в снег.

Он остался один посреди снежной равнины. Кругом – ни души. И если даже вдруг учитель смог бы подняться на ноги, в чем сильно сомневался – в таком состоянии до города ему нипочем не дойти.

Если повезет, он замерзнет насмерть. Или, что гораздо хуже, станет добычей хищников – медленная, мучительная гибель.

Кто бы мог подумать, что вот так и закончится то, что столь радужно начиналось.

Юность! Разум! Свет! Чистота! Кристальные мысли, которые он вкладывал в ясные, внемлющие, жаждающие познаний головы! Истинные сокровища мира лежали у ног подававшего большие надежды молодого философа.

В ту пору, на закате уходящего века, Чувашевский стал одним из самых младших и перспективных преподавателей Московского университета. Окончив собственное образование на словесном факультете, он остался в стенах альма-матер, чтобы уже самому доносить зерна истины до новых светлых умов. Лекции Чувашевского, носившего в тот момент иную, куда более благозвучную и известную фамилию, оказывались столь хороши, что сам ректор Боголепов – земля ему пухом! – оставлял о философе лестнейшие отзывы.

Чувашевский был пылок и деятелен, полагал, что в силах изменить мир – и всей своей душой стремился к переменам, призывая к тому и других. И вот однажды – осенью 1893 года – студент, так напоминавший Чувашевскому самого себя, подошел к философу после лекции и пригласил на собрание кружка.

– Сегодня будет необычайно интересно! Вы ни разу не пожалуете!

Если бы знать заранее, чем все обернется! Тогда бы сегодняшней Чувашевский просто взял мальчика за руку и отвел к полицейскому... Но тот, прежний, предложение принял с азартом.

С того распроклятого вечера и начался единственный год – всего лишь только год! – безвозвратно искореживший всю жизнь Чувашевского.

Выступал приехавший из Саратова ангелоподобный Гедеоновский – столь же ясный и пылкий, как сам Чувашевский, он очаровал, покори́л, околдовал философа.

– Самодержавие должно быть уничтожено! Чиновничья бюрократия – сменена народным правлением! И в этом – наши – каждого из нас! – непосредственные цели и задачи, в этом – наш единый смысл существования. Стряхнем же с себя гнет обветшалых идей, отринем мифическое богоносительство монарха!

В тот же час преподаватель включился в чужую войну, не жалея живота. Но продолжалась она недолго: всего через год во всех отделениях кружка прогремели погромы. Гедеоновский отправился в ссылку, а в собственном кабинете Чувашевского в его отсутствие обнаружили «Манифест» и «Насущный вопрос».

Не дожидаясь скандала, Чувашевский приговорил себя сам. Нет-нет: в ту пору он совсем так не думал. Он просто сбежал в одночасье – сел на поезд и отправился в направлении Иркутской губернии, где уже томился Гедеоновский.

Преподаватель намеревался продолжить борьбу и воссоздать кружок в ожидании освобождения идейного вдохновителя.

Но жизнь решила иначе.

Сменив фамилию при помощи «политических» знакомых, Чувашевский, в качестве прикрытия, нанялся в мужскую гимназию в Иркутске. Однако подозрения все же возникли. Через год пришлось перебраться в Сретенск, а еще через пять и вовсе направиться на самую восточную границу империи.

За время своей добровольной ссылки, досыта наевшись лишений, Чувашевский сильно изменился. К его огромному ужасу, пелена упала. Он вдруг понял: сырые темные углы, где он спал, пресный хлеб, которым наполнял желудок, скучные уроки, что вел – и есть теперь его настоящая жизнь. Это не временно, нет: путь назад полностью отрезан. А впереди же – лишь крошки на суконной простыни да грубые окрики простолюдинов – тех, которым он планировал дать голос и власть.

Ясноголовый философ поглупел, погрубел, и стал не в силах даже дочитать единую книгу – из тех, что прежде проглатывал залпом, за ночь, не смыкая глаз.

Но в обмен на что же он с молодецкой удалейю пожертвовал своей блестящей судьбой? Увы! Правое дело с годами все меньше казалось правым. Особо разочаровал Чувашевского недавний случай. Прошлым летом, желая погубить Столыпина, представители другой ячейки – однако имевшие те же задачи! – изувечили, вместо министра, его ни в чем неповинных детей – младенца да совсем юную барышню...

Учитель продолжал переписываться с несколькими прежними соратниками, но на деле давно уж больше не желал ни бороться с монархом, ни утверждать правление в народных руках. Он хотел только одного: возвратиться в прошлое и выбрать другую дорогу.

Теперь уже не только из страха перед наказанием он стремился хранить в секрете свои былые пылкие замыслы. И до поры до времени они действительно оставались тайной.

Ныне же он и вовсе, как зверь лесной, погибает без покаяния в этом богом забытом месте...

Чувашевского, опять потерявшего сознание, привели в себя громкие голоса.

– Волки! Это вновь волки! Господи! Да за что!

– Отставьте свою... истерию! Нет здесь никаких волков! По крайней мере – уже нет.

– А вы чего ждете? Идите и посмотрите. И сразу же тащите тело сюда!

Через пару секунд две пары сильных рук схватили учителя за руки и за ноги. Он застонал.

– Господин помощник! Этот живой!

– Павлуша! Отворяй! Это я, Марья! Марья Александра Степаныха!

Узнав страшную весть, прислуга Миллера прямо из управы, куда ходила спросить про поиски хозяйской дочери, едва ли не бегом припустила к дому товарки.

Они были плохо знакомы – в гости Марья заходила не более пары раз, однако нынче она считала своим долгом немедленно доставить печальное сообщение.

– Павлина! Ужась-то какая! Отопри! – дверь, которую, очевидно, еще не отворили с восходом солнца, так и не шелохнулась, хотя Марья барабанила по ней изо всех сил.

Тогда девушка двинулась в обход дома. Но едва она, приложив ладонь ко лбу, заглянула в окно – как кто-то с обратной стороны тотчас же отпрянул, и комнату скрыла плотная занавеска.

Не понимая причин такой невежливости, Марья еще какое-то время прохаживалась у дома. Но потом, озлившись, отправилась к себе.

Господин Миллер сидел в своем любимом кресле, где она его и оставила. Вздохнув, Марья принялась за стирку. На скорую руку за пару часов сготовила простецкий обед – щи да вареники. Но хозяин есть наотрез отказался.

– Маруся, сходи-ка снова в управу, – тускло сказал он, не поднимая набрякших глаз.

Глядя на него, Марья едва не заплакала от жалости.

Накинув тулуп да платок, она послушно отправилась туда, куда велел архитектор, однако на этот раз никого, кроме фельдшера, не застала.

– Не слышали ли чего про барышню Миллерову?

– Ничего не говорили. Но если бы что нашли – точно бы не смолчали.

Можно было пойти домой, но Марья снова свернула на тропку к худому дому Вагнеров.

– Павлина! Отопри – я ж тебя видала! – крикнула она, подходя к порогу.

В ответ дом посмотрел распахнутой дверью.

Девушка вошла внутрь и увидела следы небывалого разгрома. По горнице тут и там были раскиданы вещи – тряпье, утварь, части сломанной обстановки. Стояли раскрытыми шкафы и сундуки. Большой, обклеенный картинками, принадлежал Павлине. Он опустел.

– Убегла Павлина-то, – в недоумении развела руками Марья.

В предутренний час долгожданный звонок раздался.

Он совершенно утратил важность, однако Миллер приложил трубку к уху и терпеливо выслушал извинения далекого собеседника.

– Но сейчас, когда этот вопрос улажен, мы немедленно приступаем к отгрузке! Уверю вас, господин Миллер: он отправится к вам первым же паромом, без каких-либо дальнейших отлагательств и промедлений!

– Благодарю вас, – кратко ответил архитектор и повесил трубку на рычаг.

К именинам Шурочки он готовил восхитительный сюрприз. Такого не имелось еще ни у кого в городе. Да что там, сам Романов – уж на что новатор – только ахнул бы при его виде.

Но какой в том толк, если дочь пропала? Без следа исчезла из-за запертых дверей?

Матвей клялся и ел снег, утверждая, что не снимал запора до самого возвращения Миллера. Заподозрить в чем-то Марусю оснований тем более не имелось. Окна и двери оставались плотно запертыми. Но, тем не менее, Шурочки не было. Она как будто растворилась в воздухе.

Обследовав комнату дочери, Миллер не досчитался некоторых ее вещей. Однако не обнаружил ни следа записки, которая указала бы на добровольность ее действий. Выходит, Шурочку похитили?

И теперь оставалось только надеяться... На что?

Поднявшись с кресла, Миллер снова направился туда, где еще совсем недавно ежедневно протекала жизнь его дочери. Проходя мимо своего ящика с инструментами, он на миг задержался и поднял стамеску.

Всю жизнь он свято уважал право Шурочки на личные тайны, и вот в итоге к чему это привело.

Войдя к дочери, Миллер направился к запертому столу. Приладив инструмент, ловко выломил угол ящика. Как и ожидалось, на пол посыпались письма – девчачьи, перевязанные ленточками для волос. В носу защипало.

Архитектор стал перебирать конверты, поочередно откладывая в сторону. Пока он не станет читать все подряд, а ограничится лишь тем, что может отвечать его подозрениям.

Поиски оказались недолгими. Вот и письма от мужчины.

Но как такое может быть? Для чего она скрыла? Почему сразу же не призналась? Это настолько нелепо, что просто не может быть правдой!

Однако, как бы Миллер не отказывался верить, связь явно существовала. Более того, с каждой строчкой Миллер утрачивал надежду на то, что она оставалась платонической.

«Не тревожь свое сердце, ведь вскоре мы окажемся вместе – уже навсегда, и тот вопрос, о котором ты пишешь, перестанет быть для тебя затруднением», – говорилось в последнем письме, окончательно уничтожая Миллера.

Неужели его малышка, его Шурочка носила незаконное дитя? И в тайне от своего отца планировала побег?

Но нет, ничего не сходится! Она никак не могла уйти к покойнику.

Вернувшись из управы Маруся отвлекла Миллера от сумбурных соображений:

– Александр Степаныч, я сразу запомнила сказать: господина полицмейстера-то тоже нашли. В лесу! Убивцы его там бросили.

Миллер усмехнулся. Он бы мог кое-что об этом поведать – только к чему? Для чего упрощать задачу тех, кто до сих пор не нашел его дочь?

Опустевший без ребенка дом напоминал потухшее кострище. Холод, переплетаясь со стенаниями Елизаветы, пронизывал стены. Супруга все время или горько плакала, или спала, приняв свое лекарство.

Надежды на то, что сынишку выйдет сыскать живым, гасли с каждой минутой. Однако Елизавета категорически отказывалась слышать об этом.

– Его похитили! – кричала она.

Романов в такую возможность не слишком верил. Но предпочел бы, чтобы полиция все же нашла тело мальчика. Они бы похоронили его по-христиански, оплакали... И продолжили путь. А куда деваться?

Когда-то, в сердцах, инженер заявил, что не переживет такого во второй раз. Надо было держать язык в узде и не кликать беду.

Романов физически не мог находиться дома, но и в конторе не удавалось войти в работу, ранее всегда врачевавшую от душевной боли. Инженер отложил и лопнувший водопровод, и непочиненные фонари, и просто сидел, уставившись в стену, когда его вдруг попросили об услуге. Требовалось просмотреть расчеты Вагнера прежде, чем включать их в общий отчет по строительству железной дороги в высочайшую канцелярию.

– Там все давно уже готово, еще по осени. Требуется лишь на всякий случай просмотреть, дабы ошибка какая не прокралась. Сам-то он не успел переписать набело перед отъездом.

Романов охотно принял за дело: прямолинейные числа неизменно помогали отбросить из головы лишнее. Справились они со своей задачей и нынче. Всего лишь через час Романов

замер, пораженный. Его глаза снова загорелись, движения пера по бумаге ускорились. В этот момент он больше не думал о домашней трагедии.

Не спеша с выводами, он полностью проверил все страницы до конца, затем попросил принести отчеты с других участков.

Романов с головой ушел в хитросплетения численных символов, перепроверив все с самого начала еще раз, и еще. К наступлению ночи он просчитал смету Вагнера четырежды, и лишь потом отложил перо и откинулся в кресле.

Он не ошибся: ровные колонки букв и цифр, выведенные мелким, но разборчивым почерком с редким уклоном влево, хранили чужой секрет. Тщательно продуманный и рассчитанный, грамотно и надежно укрытый, совсем незаметный при поверхностном взгляде – и при этом решительно незаконный.

Числа говорили о людях – и при том столь хорошо знакомых Романову.

Было, над чем задуматься.

VI

Петляющие следы

Деникин сделал большой глоток из волшебного пузырька доктора. Какая жалость, что он уже подходил к концу.

Помощник полицмейстера обессилел. Он окончательно утратил счет времени, и вряд ли смог бы ответить, день за окном или дело к ночи.

Цербер Петр, недобрый ординарец генерал-губернатора, с чистой душой отправился восвояси. Как-никак, он выполнил повеление хозяина – отыскал полицмейстера. А о том, чтобы вдаваться в детали, наказа не было.

Почтовый курьер (дрожавший, как лист) вместе с ямщиком убыли в дешевые номера, спеша забыться в тепле дневным сном. Показав место, где нашли полицмейстера, малые окончили свое дело, и теперь могли позволить себе ни о чем не думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.